

ГОМОЖО

ИЗБРАННОЕ

ГОМОЖО

ИЗБРАННОЕ

Перевод с китайского

1 9 5 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

*Вступительная статья
и общая редакция
Н. Федоренко*

РАССКАЗЫ

САМОУБИЙСТВО ЧУСКОГО БАВАНА

Несколько дней подряд шел снег. Сплошная белая пелена покрывала берега вблизи Уцзянпу. Горы Нючжушань и Байпишань, расположенные на другом берегу, гордо вздымают вершины навстречу восходящему солнцу. Ни следа человека, ни летящей птицы не видно вокруг — идет война, и население окрестных деревень разбежалось. На всем видимом пространстве не заметишь дымка, не услышишь пения петуха. Все бело окрест. Только неутомимая река и солнце не сдаются белому снегу.

Мчит свои кровавые воды бурная Янцзы. «Ненадолго ваше торжество, — шепчут воды реки прибрежным снегам, — вас покорит солнце, вы растаете и стечете ко мне со всей своей грязью. Я могу приютить вас — откажитесь, пока не поздно, от своей гордыни. Хотите укрепить свой дух — быстрее идите ко мне, и мы вместе будем петь гимн жизни».

Неожиданно с северо-запада донесся прерывистый гул, похожий на шум морского прибоя. Гул становился все ясней и ближе — это был беспорядочный топот копыт. Он приближался к берегу реки. Люди и лошади появились на горизонте — двадцать семь человек и двадцать семь лошадей. Пар белыми струями бьет из их ноздрей, клубится от дыхания всадников. Снег взлетает из-под копыт коней. Во главе отряда скачет высокий сильный человек на темно-сером коне. За ним — двадцать шесть богатырей. Они не столь могучи, но так же храбры. Кожи под ними разной масти — рыжие, серые, белые, вороные, гнедые в яблоках.

В черных шлемах и черных кольчугах, обутые в остроносые сапоги, воины в правой руке держат красные длинные секиры, а в левой — бронзовые щиты с изображением головы тигра. На всем, кроме сапог, следы длительных кровопролитных сражений. Они бежали, спасая свою жизнь, и, подобно волнам, нахлынули на берег и остановились. Тотчас же черные всадники и разношерстные кони, как морской мох и разноцветные ракушки, покрыли весь берег. К реке всадники мчались, как тигры, но стоило им спешиться, как сразу же стало заметно, насколько утомлены и разбиты и люди и кони. И те и другие были ранены — одни легко, другие тяжело. Несколько лошадей, едва освободившись от ездовых, сразу же рухнули на покрытые белым снегом камни. Не похоже было, что они легли повалиться, как это делают лошади, когда у них чешется спина; нет, эти кони легли, чтобы больше никогда не встать.

Раненные в ноги воины не могли стоять, одни опустились на землю, отбросив в сторону бронзовые щиты, а другие опирались обеими руками на секиры. Один воин, бросив копье и щит, быстрыми шагами направился к воде, лег лицом вниз, чтобы напиться, а подняться уже не мог и лежал без движения, как труп.

Тот, кто возглавлял воинов, был молодцом семи чи ростом и, пожалуй, самым могучим из всех. Конь его, подстать хозяину, сердито косил глазом на преграждавшую дорогу Янцзы, фыркая, выпускал белый пар из ноздрей и бил передним копытом по камню. Его хозяин спешился, постоял мгновенье около коня, повернувшись лицом к реке, затем, прислонив копье к скале и положив щит на седло, снял свой черный железный шлем и положил на щит. Густые черные волосы его были собраны в пучок. Мужественное лицо, темнокоричневое от загара, поросшее короткой черной бородой, было ранено в двух местах. Черные сгустки крови запеклись в усах. На вид ему было около тридцати лет. В налившихся кровью глазах сверкали узкие кошачьи зрачки. Кинув гневный взгляд на реку, он оглядел своих воинов и прислушался. Но, кроме шума ветра и дыханья коней, ничего не услышал.

Вскоре со стороны ближайшего маленького залива донесся плеск воды, рассекаемой веслом. Великан вздрогнул, схватился за нефритовую рукоятку меча, висевшего на его левом боку. От залива шла небольшая лодка без паруса.

Средних лет мужчина, работавший веслом, хотя и был в одежде простого лодочника, казался не тем, за кого хотел себя выдать. Бледный и худой, с широким лбом и блестящими умными глазами человек подвел свое суденышко прямо к великану и бросил якорь. Охватив левой рукой правый кулак, он протянул руки в приветственном жесте.

— Наш великий повелитель, — произнес он, — если я не ошибаюсь, вы князь Западного Чу. Прошу вас скорей войти в лодку. Преследующие вас воины недалеко.

Тот, к кому обращался лодочник, в самом деле был Сян Юй, князь Западного Чу, по прозвищу Баван¹. Лицо великана напряглось, на нем отразилась нескрываемая тревога.

— Кто ты? — спросил он лодочника громовым голосом.

— Я тинчжан² в Уцзяне, имя свое я назову вам позже. На берегах реки все жители разбежались. Ни вверх, ни вниз по течению лодок не найти. Только и осталась эта маленькая лодка; пользуясь темнотой, я привел ее сюда. Я очистил лодку и поджидал вас. Прошу вас, торопитесь, вы напрасно задержались вчера на ночевку в том городишке.

Баван продолжал колебаться. Решительный и упрямый по характеру, после недавнего поражения он стал более осторожен. Его войско разбили у местечка Хэся (к юго-востоку от Линьбинсянь, провинции Аньхуэй), он бежал почти двое суток и возле Иньлина (60 ли северо-западнее уезда Динъюань, провинции Аньхуэй) сбился с пути. Старый крестьянин, к которому он обратился за помощью, обманул его, указав путь на запад.

Сян Юй со своими воинами попал в район больших озер и бездорожья, где его и настигли войска княжества Хань. После жестокой битвы из отряда уцелело лишь двадцать восемь всадников. Они повернули на восток и возле города Дунчэн (к югу-востоку от уезда Динъюань) были снова настигнуты врагом. В сражении погибло еще двое всадников. Сян Юй с двадцатью шестью ратниками направился к югу и после двухдневной скачки в снегопаде достиг местечка Уцзян. Жители деревень на пути их следования разбежались. Им пришлось вламываться в дома, чтобы

¹ Баван — гегемон.

² Тинчжан — смотритель станции, в данном случае переправы.

раздобыть себе пищу, к тому же люди Сян Юйя были изранены и устали. Сейчас он не так гневался на ханьского князя Лю Бана, как на предавшего его старика и на местное население, которое не только не оказывало ему помощи, но и пряталось при его появлениях. Во всех этих бедах Сян Юй винил небо, пославшее в такую тяжелую для него минуту снегопад. Он почувствовал ненависть к небу; иньлинский старик и бездушное население — это тоже происки неба, задавшего целью его погубить. Не иначе как небо послало и этого тинчжана. Помня предательство старика, Сян Юй не доверял человеку, сидевшему в лодке, подозревая в нем лазутчика Лю Бана.

— Не слишком ли мала твоя лодка? — сказал он.

— Да, эта маленькая лодка — единственное, что я сумел достать. Боюсь, что если погрузить в нее коня, то можно будет поместить всего лишь одного человека.

«Это предатель, теперь у меня нет сомнений, — подумал Сян Юй. — Он знает, что я не могу плавать, доведет лодку до середины реки и опрокинет».

Будучи вспыльчив, он хотел уже вытащить меч и зарубить человека, но рука его, сжимавшая рукоятку, дрогнула:

«Ничего не изменится, если даже я его убью. Я не пловец, люди мои — северяне — тоже не умеют плавать. Так или иначе смерти не избежать, — и он сразу же переменил решение. — Нет! Небо сильнее меня, его не победить».

Охваченный суеверным чувством, он отпустил рукоятку меча и уперся руками в бедра.

— Великий князь, входите скорее в лодку, — видя его сомнение, снова произнес гребец. — Нельзя терять ни минуты. Вы переправитесь в Цзяндун, и хотя он не велик, несколько сот тысяч жителей все же смогут обеспечить вас всем необходимым для успешного возвращения домой. Скорей, скорей в лодку! Пусть даже войска княжества Хань и придут, им не на чем будет переправиться на восточный берег Янцзы!

Баван невольно улыбнулся. Он давно уже не улыбался. В последние дни гнев и негодование на людей и небо так переполняли его душу, что он стал ко всему безразличен.

— Благодарю вас, — приветливо ответил он и снова погрузился в размышления, сжимая руки и покачивая головой.

«Нет, сопротивляться бесцельно. Небо требует моей смерти. Когда я со своим дядей поднял восстание у города Хуэйцзи, мы переправились с восточного берега Янцзы вместе с восемью тысячами воинов. Восемь лет воевал я, бился более чем в семидесяти сражениях, и сейчас у меня никого не осталось — все погибли. Дядя мой убит в бою под городом Динтао, и я один возвращаюсь в Цзяндун. Пусть даже земляки сочувственно встретят меня, какими глазами я на них буду смотреть?»

— Не теряйте время, великий князь, войска Хань приближаются... — торопил его тинчжан.

— Нет, не могу, не могу...

Сян Юй, качая головой, продолжал размышлять:

«Когда мы подняли восстание, к нам повсюду присоединялись люди, нас приветствовал народ, и мы не ощущали недостатка ни в ратниках, ни в лошадях, ни в пище. Сейчас все изменилось. Народ разбегается при нашем приближении, даже деревенский старик, и тот предал меня. Воистину небо желает мне зла».

Он тяжело вздохнул и потряс кулаком в воздухе. Зрачки его сузились настолько, что глаза казались совершенно белыми.

— У меня еще много сил, неужели я должен так погибнуть? — Он поднял глаза к небу.

— Великий князь, небо помогает вам. Не раздумывайте! Вы выдержали много сражений и все так же сильны и здоровы. Разве это не помощь неба?

— Нет, нет, — Сян Юй покачал головой, — я знаю, вы хороший человек, но какими глазами я буду смотреть в лицо людям Цзяндуна?

Мысли Сян Юйя приняли другое направление.

— Вон там лежит Чжун Ли-мэй, он ранен и не может встать, спасите его, — сказал он, указывая пальцем на неподвижно лежащего воина.

Двое воинов подняли Чжун Ли-мэя и сняли с него шлем. Лицо раненого было землистого цвета. Он свалился с седла у города Дунчэн, и конь лягнул его в бок. После двухдневной скачки он чувствовал такую боль, что не мог пошевелиться.

— Вот еще мой конь Учжуй, — продолжал Сян Юй, указывая на своего темносерого коня. — Я ездил на нем

пять лет, я люблю его, и он любит меня. Я не настолько жесток, чтобы убить его, спасите и моего коня.

Чжун Ли-мэй, напрягая остатки сил, выразил желание умереть вместе с Баваном, но не пожелал остаться с его конем; однако Баван отдал приказ, и воины силой усадили раненого в лодку и сложили туда его оружие. Сян Юй снял с седла железный шлем и медный щит и повел коня к реке.

— Я дарю вам это животное, — сказал Сян Юй. — Прошу вас, перевезите Чжун Ли-мэя и коня в Цзяндун.

Ратники помогли ввести коня; на корме лежал Чжун Ли-мэй, а конь стоял в середине лодки. Там еще оставалось место для двоих. Молчавший тинчжан попытался дать совет:

— Великий князь, я вижу ваше великодушие, я потрясен, но мне кажется, вы опьянены горем. Существует старая поговорка: «Дорога к небу далека, к людям — близка». Сначала нужно испробовать все пути к людям и только потом полагаться на волю неба. Распространите ваше великодушие на всех живущих в горе, всегда думайте о народе, который все еще находится в беде, используйте всю мощь ваш талант, ваши силы для спасения людей, и тогда не только небо, но и жители Цзяндун встанут на вашу сторону. Решайтесь, пока не поздно...

В этот момент с северо-запада послышался нарастающий гул, такой же гул раздавался, когда к берегу реки приближались всадники Бавана. Зрочки Сян Юйя сузились. Все двадцать пять воинов насторожились. Даже Чжун Ли-мэй пытался приподняться в лодке, но не смог.

— Великий князь, медлить больше нельзя! Садитесь скорей в лодку, — торопил тинчжан. — Скорей!..

Сян Юй ничего не ответил и взял в левую руку щит. Двадцать пять рыцарей, словно по приказу, как один человек схватились за свои щиты.

Гул надвигался. Все ближе и громче слышались крики людей, топот копыт... Приближалось по крайней мере несколько сот всадников.

Кошачьи зрочки Сян Юйя напряженно всматривались вдаль. Выхватив меч, он поднял его над головой. Двадцать пять рыцарей повторили его жест. Двадцать шесть клинков сверкнули в воздухе, искрясь на солнце всеми цветами радуги. Шум накатывался подобно гребню волны во время

прилива. С боевым кличем встречной волной кинулись воины Сян Юйя вперед. Вот столкнулись гребни волн, летят брызги...

Тинчжан отвел лодку от берега и остановился на расстоянии, равном половине полета стрелы. Сев верхом на коня и наблюдая за сражением, он рассказывал встревоженному Чжун Ли-мэю обо всем, что происходило.

— Сян Юй и его люди словно тигры в стаде овец... ох, вижу падают воины, валятся лошади, противник смешался... Ратники Сян Юйя облепили его, как пчелы...

— Где князь Сян, как он? — волнуясь, спрашивал Чжун Ли-мэй.

— Не вижу. Лошадь дрожит, лодка раскачивается... О, жив, жив! Вот он, самый могучий из всех... как он страшен... на нем уже нет шлема предводителя... а... не опасно — недаром он прошел сто сражений, сила его неимоверна, он может свернуть горы... Как могучи его воины! Как они хитроумны, находчивы, быстры... Двадцать шесть бьются как один человек... Какая нечеловеческая сила... Что там случилось? Почему люди взлетают в воздух?

— Князь Сян, князь Сян, — волновался Чжун Ли-мэй, — он не ранен?

— Ого! Он отбросил свой щит... Схватил врага и оброняется им, как щитом... он швыряет людей, как куски мяса... Какая богатырская сила! Враги сторонятся его... никто не осмеливается вступить с ним в единоборство. Сян Юй и его воины окружены, всюду валяются убитые и раненые... вот еще упал один из воинов в черном шлеме, падает и другой.

— Где князь Сян? Где князь Сян?

— Он ранен в голову, все лицо в крови... он отбрасывает от себя врагов... Вот он хватает обеими руками и откидывает в сторону коня. Он бросил меч... с ним осталось лишь несколько человек... Опять упал черный воин. Враги отрубают раненым ноги... Они бьются на земле, еще повалилось несколько черных...

— Князь Сян Юй? Князь Сян Юй!

— Он остался один, бросает во врагов трупы людей и лошадей... раненые и убитые лежат вокруг... враги не решаются приблизиться. Они смотрят на него как на чудо. Все лицо его в крови... ему нечего больше кидать — вокруг только трупы своих, и он снова берется за меч. Слу-

шай внимательно, слушай внимательно, он указывает на врага и, кажется, что-то говорит...

Пятнадцать минут длился ожесточенный бой. Пали все воины Сян Юйя. Он сам тяжело ранен в голову и ноги. Сян Юй понимает — настает конец его короткой жизни. Вот он видит среди врагов сильного воина в зеленом панцире и шлеме.

— Люй Ма-тун! Эй, Люй Ма-тун! — окликает его Сян Юй.

Толпа врагов стихает...

— Люй Ма-тун, я знаю тебя, шлем и панцирь, что на тебе, я сам когда-то носил и подарил их тебе... Ты мой старый друг, прими от меня последний подарок. Лю Бан объявил щедрую награду за мою голову. Большая честь ожидает того, кто ее добудет. Я видел добро от тебя, дарю тебе свою голову...

Громом был голос Сян Юйя, ясно слышали в лодке его последнюю речь. Чжун Ли-мэй молча глотал слезы; тинчжан все еще смотрел на берег, не сходя с коня.

— А! князь Сян перерезал себе горло... он упал среди трупов черных воинов! — Тинчжан отвернулся, слезы катились по его лицу. Он слез с лошади и, подняв якорь, оттолкнул лодку на середину реки.

Ханьские воины бросились к мертвому телу Сян Юйя, стремясь завладеть его головой. Напирая друг на друга, они задавили несколько десятков своих бойцов.

Наконец поделены трупы ратников князя Сян Юйя. Словно голодные псы кинулись на них победители и потом разбежались с добычей. На грязном снегу валялись мечи, копья, щиты, трупы людей и лошадей.

Тинчжан работал веслом, но лодка не приближалась к противоположному берегу, а удалялась от него. Чжун Ли-мэй встревожился. Они причалили к переправе берега, где недавно шла битва. Гребец перебрался на корму и сел рядом с раненым, чтобы откровенно рассказать ему свою историю.

— Храбрейший Чжун Ли-мэй, — спокойно начал он, — я скажу вам всю правду: я вовсе не тинчжан, я ученый. Только потому, что настоящий тинчжан убежал, я назвался его именем. С недобрыми мыслями прибыл я к вам сегодня...

Чжун Ли-мэй тревожно схватился за меч.

— Не поймите меня превратно, — успокоил его учёный, — я не лазутчик ханьского князя. Вы же знаете, как хорошо относился народ и в особенности образованные люди к князю Сян Юю. Он сам виноват в том, что потерял всеобщую поддержку. Его любили и помогали всем, чем могли, когда народ страдал под игом княжества Цинь. Все мечтали свергнуть деспотию Цинь. Сян Юй выполнял волю народа — оттого поддержка и сочувствие людей были на его стороне. Не щадя своей жизни, все помогали ему, поэтому не прошло и двух лет, как тирания княжества Цинь была свергнута. Чья же сила сделала это?.. Быть может, вы думаете, что сила героя Сян Юя? Сегодня вы видели, какая судьба ожидает героя, когда он остается один, без сочувствия и поддержки народа. Но именно потому, что успехи его были молниеносны, он невероятно возгордился и решил, что нет силы, способной ему противостоять, что он может свернуть горы. После падения деспотии Цинь он повел себя иначе. Заняв Сяньян — столицу княжества Цинь, он сжег все дома и дворцы, уничтожил памятники древности, разграбил имущество и, захватив женщин, ушел за Шанхайгуань. Цинь Ши-хуанди сжигал книги, но разве поступки Сян Юя лучше? Он закопал живыми двести тысяч циньских воинов в Синьани. Допустим, он стремился обезопасить себя в будущем. Но с наименьшей жестокостью расправлялся он и со своими союзниками. Сян Юй сжег дворец и город Ци, закопал живыми воинов Тянь Жуна. Он так же поступал с малыми детьми, женщинами и старцами. И в других местах он творил то же самое. Разве это не горе для народа? Разве это не хуже тирании Цинь Ши-хуанди, когда сжигали книги и заживо погребали ученых? Сян Юй виновен в войнах и смутах, охвативших Китай после смерти Цинь Ши-хуанди. Он стремился стать диктатором и поэтому убил чуского императора и установил слежку за князем Хань. Он доверял сдавшимся в плен циньским военачальникам и ненавидел собственных соратников. Если вчерашний враг изъявлял желание стать зубами и когтями Сян Юя — он назначал его на высокую должность. Если сегодняшней друг осмеливался противиться его воле — он завтра же считал его своим врагом.

Кто должен нести ответственность за бедствия народа? Вот почему люди стали относиться к князю Сяну точно

так же, как и к властителям княжества Цинь. Весь народ Китая поднялся против него. Мы не лазутчики ханьского князя, но оказывали помощь ему, как оказывали ее каждому, кто выступал против Сян Юйя. По правде говоря, я сегодня намеревался заманить князя Сяна в лодку, отвести ее на середину реки, опрокинуть и погибнуть вместе с ним. Я пришел с намерением умереть. Теперь вы знаете правду и можете меня убить, но я не боюсь смерти. — Мнимый тинчжан умолк, ожидая ответа.

Но Чжун Ли-мэй, опустив голову, молчал.

— Я изменил свое намерение, когда увидел, что Сян Юй способен на благородные поступки, — продолжал ученый. — Я действительно хотел перевезти его на восточный берег. Мне не удалось это сделать — он покончил с собой. Сян Юй был очень молод и, простите меня за дерзость, — малообразован. Я слышал, что в детстве его обучал дядя Сян Лян, но Сян Юй не захотел учиться. Человек без знаний и опыта, задумавший стать правителем страны, непременно потерпит крах. Жаль, что Сян Лян рано умер, после его смерти уже некому было наставлять Сян Юйя. Вот это и повредило ему, повредило всему Китаю, всему простому народу... По его способностям лучше всего ему было оставаться военачальником и не предаваться безрассудным мечтам о господстве над всем Китаем. Если бы его наставник не умер, возможно в стране давно бы воцарился мир. Стоит только вспомнить совершенные Сян Юйем злодеяния — сердце обливается кровью. Он подорвал устой государства. Из-за него погибло столько людей, что и за столетие не возместить урон. Ущерб, нанесенный им литературе и искусству, не возместить и за тысячу лет. Цинь Ши-хуанди в свое время сжигал книги частных лиц. Сян Юй сжег все официальные документы, оставленные Цинь Ши-хуанди. Три месяца горел дворец, — можете себе представить, сколько книг и исторических документов погибло в огне... — Ученый умолк.

Молчал и Чжун Ли-мэй, попрежнему не подымая головы.

— Храбрейший Чжун Ли-мэй, — снова заговорил ученый, — отношение Сян Юйя к вам и к своему коню тронуло меня. Много ли найдется людей, способных на краю гибели забыть о себе и позаботиться о других? Вы, наверно, слышали, что когда ханьскому князю Лю Бану

угрожала опасность, он бежал от смерти, сбрасывая с повозки собственных сыновей и дочерей, чтобы уцелеть самому. Сян Юй благороднее ханьского князя. Если бы он относился благородно ко всему народу — не было бы сегодняшнего печального конца. Он этого не мог понять и приписывал неудачи гневу небес, но не собственным ошибкам. Как можно обвинять небо? Небо безгласно. Князь Сян Юй и князь Лю Бан жили под одним и тем же небом... Простой народ говорит, что когда вожди заботятся только о своей славе и собственном благе и не думают о судьбах страны, — они вступают на гибельный путь. Таким вождем был Сян Юй...

— Сян Юй, Сян Юй, — Чжун Ли-мэй с большим трудом опустил на колени и, плача, поднял глаза к небу, — это мы погубили тебя своей слабостью. Мы опозорили Китай, опозорили народ нашей страны. И за тысячу лет не поправить этой беды. Разве это не величайшее злодеяние? Мы должны быть наказаны еще более жестоко, чем были наказаны властелины династии Цинь... Князь Сян, подожди меня, — он с трудом ухватился за рукоятку меча, извлекая оружие из ножен.

Ученый, сидевший рядом, схватил его за руку.

— Вы не должны кончать самоубийством. Самое страшное — когда человек не понимает... но раз он понял, он может исправиться. Поверьте моим словам: вы военный, а я ученый, но мерило для человека одно — надо отказаться от личных интересов и служить народу. Помогая другим, мы помогаем себе. Умереть никогда не поздно, нужно только, чтобы и смерть послужила делу. Тот, кто служит государству и народу, должен исполниться самоотверженностью и решимостью. Разве это не лучший путь для человека?..

...Мой дом недалеко отсюда, — вот почему я направил лодку к этому берегу. Я отвезу вас к себе и вылечу. Вам предстоит выполнить назначение человека. Народ все еще в беде. Гунны угрожают Китаю с севера, и нам необходим такой человек, как вы, во имя спасения страны презирающий смерть. Вас ждет великое дело. Вы не должны поступать безрассудно... Этого не понял Сян Юй в свои последние минуты. Он не боялся смерти, но не подумал о том, что героизм его никому не принесет пользы. Он только показал свое бесстрашие. Сян Юй всегда помнил лишь

о себе и никогда не заботился о судьбах Китая, о благе народа. Вы не имеете права следовать его примеру. Есть лучший жизненный путь для человека...

У Чжун Ли-мэя не было сил возражать, он сидел, по-прежнему понуриив голову.

— Пойдемте ко мне домой. Войска княжества Хань уже далеко.

Ученый взял у раненого из рук меч и вложил в ножны, потом встал и вывел из лодки коня. Дрожавший во время сражения конь теперь успокоился. Ученый вынес на спине Чжун Ли-мэя и с трудом посадил его в седло.

Так и не назвав своего имени, ученый повел под уздцы коня, на котором сидел раненый рыцарь. Его копье и щит ученый нес в руках. Через потоки крови они вступили на путь настоящих людей.

Солнце еще не достигло зенита; поле сражения было покрыто трупами, но берег мало изменился в сравнении с тем, каким он был до боя. Белый снег попрежнему гордо противостоял лучам солнца. «Ненадолго ваше торжество, — шепчут воды реки прибрежным снегам, — вас покорит солнце, вы растаете и стечете ко мне со всей своей грязью. Я могу приютить вас — откажитесь, пока не поздно, от своей гордыни. Хотите укрепить свой дух — идите ко мне, и мы вместе будем петь гимн жизни!»

Лодка, оставленная ученым, ритмично качалась на волнах.

Примечание автора. В книге «Ши-цзин» сказано, что голова Сян Юйя имела двойные зрачки, то, что сейчас называют «дуйянь» (кошачий глаз). Рост Сян Юйя указан в этой книге — восемь с лишним китайских чи; так как во время Ханьской династии один чи был равен восьми современным вершкам (цунь), в данном рассказе я написал, что его рост семь чи.

Современный чи — 10 цунь.

Февраль 1936 г.

ГНЕВ СЫМА ЦЯНЯ

Это случилось в январе четвертого года правления императора Ханьской династии¹. Однажды, когда Сыма Цянь с головой ушел в работу в своем кабинете, заканчивая последнюю главу «Ши-цзи»², его четырнадцатилетний внук Ян Хуэй доложил:

— Пришел Жэнь Шао-цин.

Сыма Цянь поднял голову. Полным, нежным и белым лицом он был похож на женщину средних лет. Голос его также напоминал женский. Сыма Цянь приводил в порядок свои записи, когда Ян Хуэй ввел толстого, с выпирающим животом мужчину, среднего роста, с редкими усиками, напоминающими китайский иероглиф «ба». То был правитель провинции Ичжоу — Жэнь Шао-цин. Провинциальные чиновники по установившемуся обычаю в январе каждого года должны были являться в столицу. Жэнь Шао-цин прибыл из округа Сычуань в город Сянъян³.

Сыма Цянь поднялся навстречу. Оба церемонно приветствовали друг друга.

— Шао-цин, ты давно прибыл в столицу? — спросил Сыма Цянь.

— Только что. Я еще не отдыхал — спешил к тебе с визитом. — Гость говорил немного в нос. — Цзы-чан⁴, где твои усы?

¹ То есть за сто сорок лет до нашей эры.

² «Ши-цзи» — «Исторические записки».

³ Столица княжества Хань.

⁴ Второе имя Сыма Цяня.

— Усы? Хэй... — Сыма Цянь пробормотал что-то невнятное.

— Я помню, ты на два года старше меня, — продолжал гость. — В нынешнем году мне исполнилось сорок семь лет. Тебе, наверно, скоро сорок девять?

— Да, — ответил Сыма Цянь.

— Но по виду тебе нельзя дать больше тридцати лет. Раньше у тебя была длинная борода и усы, и ты был худощав, а сейчас стал белым и толстым. По древней поговорке: «Широкое сердце — тучное тело». Хорошо живется людям при дворе! У тебя изменился даже голос. Цзы-чан, придворные женщины, вероятно, тебя очень любят? Ха-ха-ха!

Жэнь Шао-цин не подозревал, что каждое слово ранит сердце Сыма Цяня, который вообще недолго любил этого чиновника, а сейчас неприязнь к нему еще более усилилась.

— Садись, пожалуйста, побеседуем, — пригласил он гостя.

Летом второго года Тяньхань¹, когда Сыма Цяню исполнилось сорок семь лет, мать военачальника Ли Лина, проигравшего сражение гуннам и капитулировавшего, была приговорена к смерти. Сыма Цянь вступился за нее перед императором, ходатайствуя о помиловании.

— Капитуляция Ли Лина скорее всего вызвана тактическими соображениями, — сказал он тогда.

Император разгневался, и Сыма Цянь был заключен в тюрьму, где, после шестимесячного заточения, в январе следующего года его подвергли обычному дворцовому наказанию — кастрации.

Но в марте того же года, когда император собирался посетить гору Тайшань, чтобы принести жертвоприношение, ему потребовался высокообразованный человек, который мог бы прославить его деяния. Выбор императора пал на Сыма Цяня. Он возвысил его, назначив своим чжуншулином². По тем временам это был очень важный пост. Император возвел уже наказанного им Сыма Цяня на столь высокую должность не только за его таланты, но и по другой немаловажной причине: Сыма Цянь был

¹ Тяньхань — период правления императора У, династии Хань.

² Правителем императорской канцелярии.

кастрат. Гарем императора насчитывал немало красивых женщин, и, будь на месте Сыма Цяня другой, столь же талантливый, но вполне дееспособный мужчина, — разве это не было бы поводом для беспокойства?

Так Сыма Цянь возвысился благодаря своему несчастью.

Друзья и родственники, отвернувшиеся от него, как от зачумленного, когда он попал в тюрьму, теперь наперебой бросились заискивать перед ним. Они утверждали, что Сыма Цяню очень повезло. Многие из них, уже достигшие среднего возраста, были и сами непрочь сделать карьеру подобной же ценой и даже просили Сыма Цяня ходатайствовать об этом перед императором.

Самочувствие Сыма Цяня совершенно изменилось. Получив высокое назначение благодаря увечью, он чувствовал себя вдвойне опозоренным. Поведение его друзей, оказавшихся столь низкими и бесстыдными, еще более усугубило его гнев. Как ни хотелось ему забыть обо всем, слишком многое напоминало ему о перенесенном несчастье, и прежде всего изменения, происшедшие в его организме. Он располнел, говорил высоким, как у женщины, голосом, былая гордость, — красивая борода и усы постепенно выпали. Здоровый мужчина превратился в женоподобное существо.

Жэнь Шао-цин, заняв место напротив Сыма Цяня, словно вспомнив о чем-то, внезапно повалился ему в ноги.

— Извините меня, господин чжуншулин, я совсем позабыл поздравить вас с высоким назначением.

Израненное сердце Сыма Цяня пронзила еще одна стрела.

— Ваше возвышение — такая огромная честь для всех нас, ваших друзей! Я не смог навестить вас в январе прошлого года — вы тогда отбывали наказание. Но прошел только год, и вы так возвысились!

В груди Сыма Цяня снова поднялась волна возмущения. В прошлом году, когда он был в заточении, Жэнь Шао-цин, разумеется, не мог его видеть, но дочь и сын Сыма были на свободе, однако Жэнь Шао-цин и не подумал чем-нибудь им помочь.

— Если у тебя сохранились хоть какие-нибудь дружеские чувства ко мне — никогда не напоминай мне о про-

шлом, — не выдержал Сыма Цянь. — Я подвергся наказанию двора и после этого стал чжуншулином. Ты думаешь, это проявление благосклонности императора? Гм, в древности не было примера подобной благосклонности. Я получил этот пост только благодаря тому, что я кастрат, — понимаешь ли ты это?

— Старший брат, старший брат, осторожнее, ведь и у стен есть уши! — Жэнь Шао-цин, изумленный гневным тоном Сыма Цяня, испуганно затряс головой.

— Не бойся, Шао-цин, — Сыма Цянь улыбнулся, — за эти два года я научился не бояться смерти и готов умереть в любое время. Вот только закончу дело своей жизни, — он указал на рукопись «Ши-цзи», около ста свитков¹, лежащую на столе. — Это мой десятилетний труд. До того, как меня посадили в тюрьму, несколько лет я не тороясь работал над книгой, а в тюрьме за какие-нибудь полгода закончил рукопись. Сейчас у меня уже наполовину готова последняя глава — мое жизнеописание. Я покажу тебе оглавление книги.

Сыма Цянь вытащил и развернул один из свитков рукописи.

— Вот смотри, здесь всего двенадцать бэньцзи, десять бяо, восемь шу, тридцать шицзя, семьдесят лечжуань². Без лишней скромности могу сказать, что мое произведение не уступает «Чунцю»³, но оно яснее и понятнее. Мой труд будет жить вечно. Властьимущие могут уничтожить меня физически, но уничтожить творение моего духа не в их власти. Я хочу вступить в единоборство с ними. Мы еще посмотрим, кого ожидает бессмертие, чей авторитет и влияние будут выше, кто принесет больше пользы будущим поколениям. Немало найдется глупцов, которые го-

¹ В древнее время книги были в форме свитков. (Прим. авт.)

² Здесь Го Мо-жо перечисляет разделы «Исторических записей» Сыма Цяня: «бэньцзи» — хроника событий, изложенная по годам царствования императоров; «бяо» и хронологические таблицы «шу» — разделы, которые дают понятия о церемониях, музыке, мерах, деньгах, налогах, жертвоприношениях, временах года, движении звезд; «шицзя» — история знаменитых княжеских родов; «лечжуань» — биографии замечательных людей (государственных деятелей, полководцев, философов).

³ «Чунцю» (дословно «Весна и осень») — одна из четырех канонических конфуцианских книг, авторство которой приписывается Конфуцию.

нятся лишь за выгодой и презирают людей, занимающихся литературой. Я хочу им показать, что значит быть писателем!

Вся моя жизнь, мое сердце и кровь собраны здесь. Эти записки показывают все, что было лучшего в истории, политике, религии, музыке, образовании, искусстве, законности и морали Китая. Меня можно в любую минуту убить, растерзать на куски, но я уверен — дух мой бессмертен. Я смеюсь над земной властью. Ха-ха! Смеюсь над ней!

— Да, да... — подавленный гневом Сыма Цяня, Жэнь Шао-цин поддакивал, покачивая головой. Но странно: голова его качалась не сверху вниз, а скорее — справа налево.

— Вот эти две вещи — «Биография странствующих рыцарей» и «Биография стяжателей» — написаны мною в последнее время, когда я был в добром расположении духа, — продолжал Сыма Цянь. — Я воспеваю странствующих рыцарей, хвалю Чжу Цзя, Го Цзе. Если бы все люди были похожи на них, — ведь они не были богаты и с риском для своей жизни помогали людям в беде, — разве нашлось бы в мире место для произвола и насилия? Что такое власть? Ты, наверно, помнишь историю У Ши-ло и вдовы Ба, — они жили в эпоху Цинь Ши-хуанди. У Ши-ло был бедняком. Его послали охранять великую стену. Предприимчивый торговец, он привозил китайские изделия из шелка и менял у гуннов на коров и баранов. Вскоре вымененный им скот заполнил все горы и ущелья, и У Ши-ло разбогател. Узнав об этом, Цинь Ши-хуанди стал заискивать перед ним, обращался как с родным братом и приглашал в столицу развлечься.

Вдова Ба — вашего круга человек — разбогатела на добыче киновари. Хотя она и была вдова, но когда у нее появились деньги, естественно, появился и вдовец, предложивший ей свои услуги. Бесстыдный император Цинь Ши-хуанди тотчас же стал пресмыкаться перед ней, превознося ее как «целомудренную женщину», и даже воздвиг в ее честь «Башню женской добродетели». Вот она власть! Сжигать книги и преклоняться перед скотами, выливать нечистоты на головы ученых и дарить нефритовый пояс богатой распутнице! Вот она власть! Я смеюсь над этой властью! Я не хочу, чтобы народ Китая оставался

невежественным. Я хочу, чтобы все были богаты. Будь я богат, среди моих друзей, несомненно, нашлись бы рыцари, изображающие из себя Чжу Цзя и Го Цзе... Шао-цин, лучше бы мне не подвергаться наказанию двора. Я совсем не нуждаюсь в омерзительном звании чжуншулина!

Будь писатели так же богаты, как У Ши-ло или вдова Ба, властьпредержащие, пресмыкаясь перед богатством, по своей воле стали бы оскоплять себя. Но литература ни в коем случае не станет оскоплять себя в угоду властьпредержащим. Зачем мне нужен чин чжуншулина, когда я кастрат! Может быть, ты думаешь, что я радуюсь этому?

Мне бы только закончить свою книгу. Ради этого я готов претерпеть любой позор и унижение. Говорю это тебе совершенно откровенно, — ты мне друг, и мне нечего крикнуть перед тобой душой.

Перетрусивший Жэнь Шао-цин, попрежнему неопределенно, не то одобрительно, не то порицающе, качал головой. Гневное обличение Сыма Цяня попало в цель — в Сычуане, где жил Жэнь Шао-цин, известные богачи в Чэнду пресмыкались перед ним, и он сам специально ездил в город Цынлин поклониться могиле вдовы Ба. Сегодня он как раз собирался поговорить с Сыма Цянем на эту тему, но гневные выпады последнего заставили его отказаться от своего намерения. Слова Сыма Цяня о том, что среди его друзей нет Чжу Цзя и Го Цзе, вогнали Жэнь Шао-цина в краску. Но, услышав, что тот попрежнему называет его своим другом, Жэнь Шао-цин немного успокоился, решив не упустить случая и прикинуться преданным.

— Цзы-чан, — начал он, придерживая руками свой толстый живот, словно пытаясь выдавить из него искренность, — ты действительно будешь жить вечно, ты наш Конфуций. Сейчас очень распространено театральное представление «Цю цянь». Это неспроста, я уверен — это предзнаменование того, что ты станешь Конфуцием наших дней. Посуди сам: разве иероглиф «цю» не звучит почти так же, как «цю» из имени Кун Цю, а иероглиф «цянь» разве не похож на иероглиф из фамилии Сыма Цянь!

Был ли искренен Жэнь Шао-цин, или притворялся, но болтовня его немного развлекла Сыма Цяня, и он улыбнулся.

— Однако, друг мой,— продолжал ободренный его улыбкой Жэнь Шао-цин, раскачиваясь всем туловищем,— смотри, будь осторожен. А то еще сожгут твой труд, как при Цинь Ши-хуанди сожгли конфуцианские книги.

— Благодарю за заботу,— ответил Сыма Цянь,— я предусмотрел это и принял меры... С каждого свитка, как только я его заканчиваю, снимается копия,— в этом деле мне помогает мой любимый внук Ян Хуэй. То, что ты видишь здесь,— это копия, сделанная его рукой. Мальчик на редкость умен. Переписывая, он запоминает все наизусть, так что сам может служить живой копией. Подлинник хранится в каменном ящике, который запрятан в надежном месте,— там даже стихийное бедствие не сможет ему повредить. В будущем, когда моя книга распространится среди читателей, пусть появятся тысячи Цинь Ши-хуанди, они все равно ничего не смогут поделать: весь народ будет хранить ее в памяти.

— Да, да,— кивая головой, поддакивал Жэнь Шао-цин,— ты действительно предусмотрительный человек. Когда я буду здесь в следующий раз, я перепису копию и возьму ее с собой в Ичжоу. Хотя Ичжоу и глубокое захолустье, но там сохранились традиции твоего знаменитого однофамильца поэта Сыма Сян-жу... Перед отъездом я побывал в Линьцуне и в магазине второго твоего однофамильца купил несколько бутылок гаоляновой водки. Я уже передал бутылки твоему внуку. Помнится, раньше ты был непрочь выпить. А как сейчас?

— Благодарю за любезность,— Сыма Цянь несколько успокоился, и на его лице заиграла улыбка,— я больше не пью: дал клятву, что не возьму в рот ни капли, пока не закончу «Ши-цзи»...

— Но ведь ты уже заканчиваешь, сегодня вечером можно выпить.

— Хорошо, так и быть, сегодня вечером выпью с тобой за компанию,— ответил Сыма Цянь.

— Я буду очень счастлив, очень счастлив. Жаль только, что мне не выстоять против тебя: я, наверно, буду мертвецки пьян.— Обрадованный любезностью Сыма Цяня, Жэнь Шао-цин снова схватился за свой живот.

— Счастливый ты человек,— заметил Сыма Цянь,— живешь в Ичжоу, там прекрасная природа.

Услышав, что Сыма Цянь восхищается природой Ичжоу, Жэнь Шао-цин решил поскромничать.

— Правду сказать, там нет ничего особенного. Горы и вода, большая равнина, дамбы — вот и все. Что ни говори — захолустье. По мне так лучше быть евнухом в столице, чем императором в Ичжоу... О, уважаемый, извини пожалуйста! — Снова задев больное место собеседника, Жэнь Шао-цин стал рассыпаться в извинениях, умоляюще протянув руки. — Я прошу прощения, я прошу твоей помощи. Правда, мои способности ограничены — тебе об этом известно, но я готов на любую жертву... ничего не боюсь. Для нас, толстяков, по существу безразлично, быть или не быть мужчинами... для тебя это тоже не секрет. Ха-ха-ха!

— Шао-цин, если у тебя нет серьезного дела, прошу меня извинить, мне надо заканчивать работу, — сказал Сыма Цянь, давно уже желавший выпроводить гостя.

— Да, да, — заторопился Жэнь Шао-цин, — мне как раз надо сейчас навестить военачальника Эр Ши. Вечером я загляну к тебе, и мы выпьем.

Оба поднялись и вышли. Проводив гостя, Сыма Цянь вернулся к себе. Он еще не совсем успокоился — об этом свидетельствовали пылающие щеки. Усевшись за стол, он прочел вслух несколько заключительных строк.

— «...Семь лет я был высоким ученым при дворе, но в связи с несчастьем Ли Лина меня заковали в кандалы...»

— Разве то была моя вина? — вырвалось у него со вздохом. — Хэй, я изуродован физически...

— «Эти записки и стихи — выражение мыслей мучеников идеи», — задумчиво читал он вслух. Дойдя до этого места, он схватил кисть и в порыве гнева написал: «В древности Си Бай, будучи брошен в тюрьму в Цаньли, написал объяснения к книге «Чжоу-и». Конфуций, затравленный своими ненавистниками, — повелителями княжеств Чэнь и Цай, — написал «Чунцю». Цюй Юань, когда был изгнан, создал поэму «Ли сао», Цзо Цю, потеряв зрение, составил труд «Го Юй», Сунь-цзы, по прозвищу Колченогий, написал трактат «Бин фа», Бу Вэй, переселившись в Шу, дал потомкам свои «Люй-лань», а Хань Фэй, взятый в плен князем Цинь, написал «Шо нань-гуфын». Да и все триста стихов «Ши-цзина» созданы мудрецами в пылу гнева...»

Закончив эти строчки, он остался доволен собой и по старой привычке потянулся левой рукой к подбородку. В прошлом, работая, в самые патетические моменты он гладил свою красивую бороду; теперь его рука повисла в воздухе.

— Хэй! — раздраженно воскликнул Сыма Цянь и, взяв себя в руки, дописал последнюю главу «Ши-цзи» — свое краткое жизнеописание.

Апрель 1936 г.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

- О, как благоухают цветы!
- Да, это цветы коричневого дерева, но их в этом году немного.
- Неудивительно, что мы не сразу почувствовали аромат.
- Вы возвращаетесь на родину?
- Да, но прежде думаю отдохнуть на теплых источниках.
- Чудесно. Вы инженер?
- Нет, медик.
- Значит, долго жили в Фукуока?
- Да, лет шесть-семь.
- Шесть-семь лет? Тогда вам будет что вспомнить, когда вернетесь домой.
- Вспомнить? Боюсь, что, кроме сегодняшней прогулки с вами и аромата этих цветов, не о чем будет вспомнить.
- Хо-хо, что вы, что вы! Я очень вам благодарен.
- Ай Му ходил на вокзал в бюро обслуживания, где нанял тележку, и сейчас возвращался обратно со старым тачечником. Они молча миновали храм Хакодзаки — любимое место прогулок Ай Му, где он не был вот уж три месяца, с тех пор как его семью вынудили переселиться из этого района. Аромат цветов, из-за которого и завязался разговор, доносился из парка, окружавшего храм. Прошло не более пяти минут, как Ай Му и старик подошли к храму Сиомио. Трое детей Ай Му играли на цыновке возле

самого алтаря. Заметив приближающегося отца, детишки закричали.

— Это ваши сорванцы?

— Да, мои.

— Какой вы счастливый!

— Ай, я не знаю, как с ними и быть,— чем больше детей, тем меньше денег.

— Хорошо, когда много детей. Чем больше, тем лучше. Мы люди бедные, и уж если детей нет, то хоть совсем пропадай. У меня самого пятеро. Старшая дочь вышла замуж, три месяца тому назад родила ребенка. Второй и третий сын работают в людях, двое младших учатся в школе.— Старик рассказывал о своей семье с радостью и гордостью.

Ай Му ощутил легкую грусть.

— Сколько часов в день вы работаете? — спросил он.

— Вот уж двадцать лет как я работаю с семи утра до семи вечера и за все это время не пропустил ни одного дня.— Старик рассмеялся.— Ха-ха-ха!

Беседа, они незаметно дошли до дома и вошли в комнату. Одноглазый старьевщик уже осматривал во дворе детскую коляску.

— О, как быстро пришел старьевщик,— сказал Ай Му.

Этот самый скупщик старья в апреле прошлого года, когда Ай Му уезжал на родину, купил у него вещи; самой ценной из них была фисгармония, которая стоила сто пятьдесят иен и была в употреблении всего полгода. Скупщик дал за нее лишь шестьдесят иен. Остальные вещи достались ему почти даром. Хорошо заработав в тот раз на перепродаже, он, как только Ай Му сообщил ему о своем отъезде, тотчас же приехал на велосипеде.

Ай Му с тачечником, продолжая разговаривать, увязывали вещи.

— Сколько вы примерно зарабатываете в день? — спросил Ай Му.

— Когда как. Зависит от того, сколько работы. Бывает, что много работы,— тогда больше заработаешь, а бывает, что работы мало,— меньше заработаешь. В среднем же получается две иены в день.

— Две иены? Это совсем не плохо.

— Да, концы с концами свести можно.

Ай Му вспомнил свою жизнь в Шанхае. Там он целый день работал, не разгибая спины, и едва зарабатывал на

трамвайный билет. Выходит, он зарабатывает меньше та-чечника. Если бы старик узнал закулисную сторону его жизни, то не Ай Му пришлось выражать ему сочувствие, а наоборот,—искать сочувствия у старика. Ай Му упаковывал багаж, а его жена в сторонке торговалась со старьевщиком. Скупщик в который уж раз осматривал детскую коляску, но все еще не назначал свою цену.

— Так сколько же ты даешь, говори, мне некогда с тобой возиться,— не вытерпела жена Ай Му.

— Эээх...— старьевщик протяжно вздохнул, но ничего не сказал.

— А что у вас есть еще? — спросил он, заметив квадратный письменный стол с подпиленными ножками.

— Вот только коляска да стол — остальное подарили знакомым.

— Эээх...— старьевщик снова вздохнул,— раз у вас только две вещи, то...— еще один вздох,— получайте полторы иены за все.

— Сколько?!

— Полторы иены.

— Ха-ха-ха,— рассмеялась жена Ай Му, и ей вторил смех мужа, услышавшего названную старьевщиком цену.

— Ты шутишь! В прошлый раз, когда мы закладывали эти вещи в ломбард, нам и то дали четыре иены...— начал было Ай Му.

— Имейте в виду,— перебил его старьевщик,— эти вещи очень старые, и если я их возьму, то придется все ремонтировать. И еще неизвестно, удастся ли мне их продать. Богатые не покупают старые вещи, а у бедных нет денег.

— Так продай дешевле, и тогда каждый купит.

— Ты уж слишком скуп! — сердито воскликнула жена Ай Му.— Норовишь обмануть: купить подешевле, а продать подороже. Рассчитываешь, что мы все равно не возьмем эти вещи с собой. Так лучше я подарю все знакомым, чем отдам тебе за полторы иены.

— Разве эти вещи не старые? Я их в прошлом году что-то не заметил,— произнес скупщик.

— Нет, по правде сказать, они подержанные. Мы отдали за них в Шанхае двадцать юаней, но в Японии они стоят по меньшей мере сто иен — ты-то уж должен знать цены.

— Хэ-хэ-хэ,— издевательски засмеялся старьевщик, всем своим видом выражая сомнение.

Жена Ай Му, оставив старьевщика, подошла к мужу.

— Ну, как, отдашь ему за полторы иены? — спросил Ай Му жену по-китайски.

— Полторы иены слишком мало.

— Этот почтенный дедушка сказал мне, что его дочь родила ребенка. Не подарить ли коляску ему?

— Хорошая мысль! Надо спросить — возьмет ли он?

— У нас есть детская коляска и письменный стол, мы хотим подарить их вам,— обратился Ай Му к старому та-чечнику.

— Что вы, что вы!

— Если вам нужно, не стесняйтесь, вы же слышали — за них дают полторы иены.

— Что вы, что вы, они стоят по меньшей мере сто иен,— возразил старик.— Но ваше великодушие дороже ста тысяч иен...

— Слушай, старина,— перебила его жена Ай Му,— у нас есть еще кролик и несколько цыплят, им уже четыре месяца. Резать их жалко, продать трудно. Мы дарим их тебе.

— Что вы, что вы!

— Заходите сегодня вечером, цыплят легче поймать, когда они спят.

— О, чем же мне вас отблагодарить...— старик рассыпался в благодарностях.

— Вот у нас есть еще золотая рыбка,— жена Ай Му принесла из кухни банку,— дарю ее вам вместе с аквариумом.

— О, благодарю, благодарю,— искренне обрадовался старик и со слезами на глазах поклонился.

Он, видимо, утратил от волнения дар речи. Одноглазый старьевщик молча стоял в стороне, наблюдая эту сцену, потом засунул руки в карманы и ушел.

ЦЫПЛЯТА

Семь лет тому назад во время весенних каникул наш друг С., собираясь уезжать на родину, подарил нам четырех цыплят в плетеной корзинке. Прошло не больше месяца, как они вылупились. У них уже выросли перья, и все они были совершенно черные.

— Один цыпленок очень слаб — боюсь, что он не выживет, но остальные вырастут, — сказал С.

Мы поблагодарили его и решили сохранить этих цыплят, так же как и память о нашем друге.

Одинокие, без наседки, цыплята вызывали жалость. Они не умели разбираться в еде, некому было их подзывать, и клевали они не очень охотно. Когда наступало время сна — не было матери, чтобы укрыть их под своим крылом, и они, сгрудившись, начинали жалобно пищать, словно заблудившиеся в пустыне дети. Цыплята были беспомощны, они боялись темноты. В сплошном бескрайнем мраке едва теплились слабые огоньки их жизней. Отовсюду им грозила опасность!

Прошло четыре дня. С., наверно, уже добрался до Шанхая, когда бесследно исчез хилый цыпленок. Может быть, исполнилось предсказание господина С., но найти цыпленка нам не удалось, как мы его ни искали. Черная тьма поглотила слабую искру жизни.

Наступал шестой день; С., вероятно, уже приехал на родину в Шаосин. После обеда я поднялся на верхний этаж и вдруг услышал тревожные крики цыплят. Торопливо спустившись вниз, я увидел, что два цыпленка мечутся в стра-

хе. Третьего нигде не было видно. Я нашел его возле крысиной норы у кухонной двери. Он был задушен. Ого! оказывается, крысы едят цыплят. Теперь ясно — хилого цыпленка тоже утащили крысы. В нашей маленькой квартире воцарилась тягостная атмосфера. Мы были встревожены и цыплят было жаль, но все равно мы не могли вернуть им жизнь.

Оставшихся двух мы спрятали в большую корзинку, прикрыли сверху простыней и полагали, что теперь они в безопасности. Однако вышло иначе. Едва мы с женой подошли к лестнице, как за дверью снова раздался жалобный писк. Из корзинки выпрыгнула крыса в китайский фут длиной с жертвой в зубах. Так погиб еще один цыпленок. Крысы вызывают у людей страх и отвращение. Мы не могли вымолвить ни слова, крыса навела ужас на наш маленький дом. Непременно надо ей отомстить — око за око, зуб за зуб! Посоветовавшись с женой, мы пошли и купили железную крысоловку и немного отравы. Затем, нацепив на крючок крысоловки кусочек мяса, мы поставили ее возле норы. Уцелевшего цыпленка взяли с собой наверх.

Хлоп! Крышка крысоловки упала. Внутри билась огромная крыса. Ее страшные черные глаза сверкали, шерсть встала, как у хорька. Злодейка! Ты хотела устрашить нас! А теперь сама очутилась на плахе. Мы были неопишимо рады: не прошло еще и двух часов, как крыса загрызла цыпленка, и вот она уже наказана! Захватив крысоловку, я направился к берегу моря. Морская гладь была тиха и спокойна. Круглое заходящее солнце, подобно диску луны, висело на горизонте. Я погрузил преступницу в воду. Глядя, как она задыхается, я невольно улыбнулся, удовлетворенный мстью. Никакого великодушия к варварам! Крыса уничтожила наших цыплят, нагнала страху на нас. Как можно жалеть подобную тварь? Крыса подохла. Я швырнул ее в море — ее постигла заслуженная кара. Я отправился домой. Казалось, само солнце поздравляет меня с удачей и плеск морской воды звучит, как музыка победного марша.

Когда я вернулся, жена готовила ужин. Одинокий цыпленок, попискивая, крутился у ее ног. В углу кухни дремала наша большая курица.

— Мы виноваты перед С., — печально сказала жена.

— Ничего не поделаешь. Кто мог предвидеть, что так

случится, — ответил я и направился к колодцу вымыть руки.

Действительно, — я еще раз содрогнулся, — даже и теперь в нашем доме чувствовалась атмосфера убийства.

Бросив крысу в море, я радовался, силы мои возросли во сто крат — словно я убил ядовитого дракона.

«Что может быть хуже крыс, — думал я, — они подрывают фундамент дома, крадут продукты, распространяют заразу, да и к тому же таскают цыплят».

После ужина жена, расположившись около буфета, катала из каши шарики.

— Ты закатываешь в них яд?

— Не кричи, а то сглазишь, и яд потеряет свою силу, — ответила жена.

Я видел, как она достала серо-зеленую отраву и клала небольшие кусочки в шарики. Разбойничий крысиный род! Ты еще познаешь силу человека!

На следующее утро, когда я отворил кухонное окно, первое, что бросилось мне в глаза, была мертвая курица.

— Ай-ай, смотри, что случилось. Куда ты дела вчера шарики с отравой?

Жена поспешно спустилась с лестницы и удивленно уставилась на мертвую курицу.

— Ах, как же это случилось? — тревожно спросила она. — Ведь двери кухни были плотно закрыты! Шарики с отравой я положила под крыльцо.

Она спустилась с веранды. Я последовал за ней. Шариков под крыльцом уже не было. Вместо них там лежала дохлая крыса.

— Но все-таки, как же вылезла курица? — недоумевала жена.

Подняв глаза, я заметил, что форточка на кухне открыта. У меня не было сомнений, что именно эта форточка стала дорогой смерти для курицы. Взяв в одну руку курицу, а в другую дохлую крысу и попирая утреннюю росу, я пошел по тропинке, поросшей изумрудно-зеленой травой, к морю. Капельки росы, сверкая всеми цветами радуги, осыпались под моими ногами. На море был отлив, и песчаный берег вновь стал таким чистым и ровным, каким он был до появления человеческого рода. От вчерашнего убийства не осталось никакого следа. Я выбросил свою ношу в море.

Останки курицы закачались на волнах.

«А что, если кто-либо из рыбаков подберет ее и съест? — мелькнула у меня мысль. — Это опасно!»

В первую минуту вода показалась мне ледяной, но потом я перестал ощущать холод. Я плыл, стараясь догнать дохлую курицу, а та, словно увлекаемая злым духом, колыхаясь, отплывала все дальше. Я поплыл наперерез и в конце концов вытащил ее на берег. Меня трясло от холода и по всему телу бегали мурашки.

Я закопал курицу в прибрежный песок. Плеск прибоя звучал как похоронная песнь, и солнце окуталось траурной пеленой тумана.

Оставшийся у нас одинокий цыпленок был очень жалок и целый день печально пищал. Когда мы поднимались наверх, он следовал за нами. Стоило нам спуститься вниз — он был тут как тут. Крысы больше не осмеливались свирепствовать, но кто мог поручиться, что его не утащит кошка?

Снова приближались весенние каникулы. Однажды вечером, возвратившись из школы, я нигде не мог обнаружить четвертого цыпленка.

— И последнего не смогли уберечь! — сказал я жене.

— Он так жалобно пищал; выйдешь за дверь — боишься оставить его; мне ничего не оставалось как подарить его соседям. Они живут тут неподалеку и у них тоже есть цыплята, — ответила жена.

Мне показалось, что я виноват перед нашим другом С. Но ничего нельзя было поделать. Жена, пожалуй, поступила правильно, подарив цыпленка соседям. Кому она подарила его и что с ним было дальше — я не знаю.

С тех пор прошло семь лет. Несомненно, цыпленка давно уже съели, но он до сих пор живет в моей памяти.

НА РАСПУТЬЕ

С тяжестью на сердце, подавленный, он возвращался домой. Обычно, приближаясь к дверям своей квартиры, он убыстрял шаг, но сегодня у него не было сил. Он дотронулся до ручки двери, постоял мгновение в задумчивости и, повернувшись, снова вышел на улицу. С деревьев вдоль улицы Ц. уже давно опали сухие листья. Слабые лучи солнца печально освещали гладкую мостовую и красивые дома, расположенные как попало. Со шляпой в руке он шел под обнаженными деревьями. Справа дул порывистый холодный ветер, отбрасывая в сторону его всклокоченные волосы. Пристальный взгляд покрасневших глаз был устремлен прямо вперед; однако он не обращал внимания ни на оживленное движение на мостовой, ни на красные кирпичные здания; они всегда казались ему залитыми кровью, и это вызывало гнетущую боль в сердце. Но сегодня он всего этого не замечал. Он смотрел вперед, и перед его глазами точно простиралась огромная пустыня. Пронизывая взглядом пустоту, он видел вдали одинокий пароход, качающийся на кровавых волнах Желтого моря.

— А-а... наверно, они смотрят на меня сквозь круглые иллюминаторы каюты, — прошептал он со слезами на глазах.

На пароходе была его жена, которой еще не исполнилось тридцати лет, и трое маленьких детишек. Сегодня в восемь с четвертью утра они покинули Шанхай.

Его жена, дочь японского бокуси — пастора, семь лет тому назад, вопреки обычаю, по собственной воле вышла

за него замуж. Он тогда был всего лишь студентом-медиком. Семь лет разделяла она с ним трудности жизни и растила трех сыновей. Еле дождалась, когда муж окончит учение, она с детьми в апреле прошлого года уехала вместе с ним в Шанхай. Жена надеялась, что ее муж выйдет на широкую общественную дорогу, добьется успеха, и, может быть, тогда кончатся для них тяжелые времена. А на деле получилось совсем иначе.

Вернувшись в Шанхай, ее муж выбросил в океан все накопленные за десять лет медицинские познания. Резиновая трубка стетоскопа, годами не использовавшегося, засорилась и не пропускала воздуха. Друзья уговаривали его заняться практикой, но он отвечал, что не уверен в себе. Предложение сычуаньского Красного креста в Чунцине занять пост заведующего больницей он оставил без ответа.

В студенческие годы он увлекался литературой. Вернувшись в Шанхай, он вместе со своими близкими друзьями стал издавать литературный журнал. В этой деятельности он находил отдушину для своей тоски и, кроме того, надеялся повлиять на общество. Но в старом Китае все его усилия обеспечить жизнь семьи были подобны зерну, упавшему на бесплодную почву: не было никакой надежды на то, что они пустят корни и дадут всходы. Будучи студентом, он на несколько десятков иен стипендии мог еще кое-как содержать свою семью, но сейчас, когда он занялся общественной деятельностью, у него не было даже этой возможности. С помощью друзей он нашел жилье на улице Аньнаньлу, и хотя он сам немного успокоился, его жена чувствовала постоянную тревогу. Дети подрастали, нужно было позаботиться об их одежде, питании и образовании. Жена даже ночью не находила себе покоя. На этой почве между ними нередко возникали ссоры, на него сыпались упреки за то, что он не занимается медицинской практикой.

— Заниматься медициной! Какая там медицина! Вот если бы я учился года на два меньше, может быть я тогда умел бы обманывать людей. Сифилис лечат препаратом 606, малярию — хиной, ангину — инъекциями сыворотки, дизентерию — эмирином, артрит — салициловыми препаратами. Это самые распространенные лекарства, их можно по пальцам перечесть. В Шанхае достаточно паразитов и

жуликов, они многочисленны, как муравьи, и прекрасно умеют использовать эти средства. Одним шарлатаном больше, одним меньше — какая разница! Вылечишь богато-го — он снова будет эксплуатировать бедняков; вылечишь бедного — только продлишь его страдания. Я скорее умру с голоду, чем стану зарабатывать деньги таким нечестным путем. Что там медицина! Можно уничтожить паразитов, можно убить бактерии, но с помощью медицины не уничтожишь порождающее их общество! Когда богат съел лишнего, стараются облегчить ему пищеварение, когда бедняк попадает под автомобиль, — ему спешат ампутировать ноги. Когда вооруженные дьяволы¹ десятками тысяч калечат своих сограждан, медики заклеивают пластырем и бинтуют их раны. Только на это и способна наша медицина! Гуманность? Справедливость? Платят деньги — и ладно! Нет, я не хочу такого заработка! — взволнованно говорил он жене.

— В современном обществе с этим приходится мириться, — отвечала ему обычно жена.

— Нет уж! Лучше итти на большую дорогу, чем мириться. У разбойников по крайней мере есть совесть — они грабят только богатых.

Стоило жене заговорить об образовании сына, как он раздражался длинными рассуждениями, ругая образование, принятое при капиталистическом режиме.

Жена ничего не могла добиться. Они прожили в Шанхае почти год, и в конце концов тяжелые условия жизни вынудили ее уехать вместе с тремя сыновьями в Японию.

— Там я попрактикуюсь несколько месяцев в акушерстве и вернусь, тогда у тебя будет поддержка, — заявила она мужу.

Она ни за что не соглашалась оставить детей в Шанхае: это значило бы обресть себя на постоянную тревогу. Он так и не смог переспорить жену и заставить ее изменить решение. Ему удалось только уговорить ее подождать одного знакомого, который тоже собирался в Японию, и поехать вместе с ним сегодня на одном пароходе.

Весь вчерашний день прошел в хлопотах — надо было достать деньги на билеты. Всю ночь укладывались, упаков-

¹ Японские захватчики.

ывали багаж. Поспать не пришлось. В половине шестого утра он на двух наемных повозках с семьей и вещами отправился на пристань Хуэйшань. На улицах еще горели фонари. Шумный Шанхай был погружен в глубокий сон. Когда повозки приближались к Вампу, на востоке загоралась золотистая заря. Беспощадное солнце, — ему не было дела до слез разлуки, — снова начинало свой путь. Дети, увидев пароходы, радостно закричали. Рожденные в Японии, они сохранили привязанность к морю.

— Куда эти пароходы отправляются?

— Одни пойдут по реке Янцзы, другие — за границу.

— А вон в том парке мы бывали. А где пароход, который пойдет в Японию? Вон там?

— Нет. Нам еще нужно доехать до пристани Хуэйшань.

Так разговаривал он со своим старшим сыном.

— Я не хочу в Японию, хочу остаться в Шанхае с папой, — тянул второй сын, примостившийся между колен отца.

— Поезжай с мамой, сынок, собери побольше ракушек, там их много на берегу. Я скоро приеду за вами.

— А зачем мне ракушки? Их там всегда было много, но мы никогда не собирали.

Он говорил с сыновьями, а в сердце у него была тревога.

«Как молодая женщина справится одна в дороге с тремя детьми и большим багажом?.. Посадка на пароход и высадка, потом посадка на поезд и высадка с поезда... Возможны всякие неожиданности. Вчера, когда я покупал билеты, даже кассир удивился, что они едут одни. Посторонние и то беспокоятся, так неужели я, муж и отец, буду равнодушен и беспечен? Я должен их сопровождать. Каюта третьего класса от Шанхая до Нагасаки стоит всего десять юаней, путешествие займет лишь несколько дней. На дорогу туда и обратно мне потребуется тридцать — сорок юаней. Билет возьму прямо на пароходе. Да, на пароходе...

А как же журнал? Каждый номер требует моей статьи. Уеду — друзьям будет трудно. Кроме того, на тридцать — сорок юаней жена с сыновьями вполне могут прожить больше десяти дней. Поездка по Японии не так трудна, как в Китае. Думаю, что ничего не случится. К тому же на

пароходе вместе с ними поедет господин Т. Он им поможет. Я поехать не могу... Нет, не могу...»

Мысли его разбегались, он не мог принять определенного решения: ехать или не ехать? Так он колебался всю дорогу от Аньнаньлу до Хуэйшаньской пристани. Жена с маленьким сыном, которому только что исполнился год, сидела с ним рядом и молчала. Ребенка, боявшегося тряской повозки, скоро укачало как в люльке, и он крепко уснул на груди матери.

Прошло больше часа, пока они добрались до пристани Хуэйшань. У берега мутной Хуанпу стоял огромный пароход с тремя большими иероглифами на корме: «Нагасаки-мару». На пристани — полная тишина. Там никого не было, кроме ожидающих работы носильщиков. Пассажиры еще не появлялись. Попутчика пока тоже не было. Они поднялись на пароход и нашли свои места, а он все продолжал колебаться: сопровождать семью или остаться. Дети были веселы и наперебой лезли к иллюминаторам, чтобы посмотреть на реку. Они то и дело цеплялись курточками, которые мать сама им связала, за гвозди на стенке и никак не могли отцепиться. Самый маленький, словно прощаясь с отцом, протягивал ручонки и что-то лепетал; ребенок просился к нему на руки. Отец притянул его к себе, и крошка, обняв его за шею, запрыгал от радости.

— Дома в Японии очень холодные, — сказал он жене, — не жалеё топлива, почаще зажигай жаровню с углем.

— На этот раз мне самой придется ходить за водой, стирать, топить комнату и готовить пищу, — как бы про себя заметила жена, поглаживая свои руки. — Опять руки у меня потрескаются до крови.

— Ты во что бы то ни стало найми служанку. За десять юаней в месяц, я думаю, можно это сделать?

— Возможно, — глаза жены слегка покраснели, — говорят, что после землетрясения служанки в Токио даже не просят жалования и готовы работать за кров и пищу. Но в Фукуока другое дело, там, кроме питания и жилья, нужно платить... Боюсь, что двадцати иен нехватит.

— Я в Шанхае приложу все усилия, чтобы раздобыть деньги... — он оборвал фразу, задумавшись, каким путем он сможет их добыть. Писать ли статьи, или вывесить объ-

явление о приеме больных? Или же вступить в банду шанхайских зигомаров¹ и стать бандитом?

— В Фукуока у меня есть друзья, на крайний случай можно будет у них одолжить деньги и перебиться... Я не буду сидеть сложа руки, я найду работу, — сказала жена.

— А как же быть с тремя детьми?

— Маленького буду носить с собой на спине, а старшие пусть играют на берегу моря, — все-таки лучше, чем в Шанхае.

Колокол дал первый сигнал к отправлению — знак провожающим покинуть борт. Жена потянулась к мужу, и он, сдерживая слезы, поцеловал ее долгим поцелуем. Он расцеловал сыновей и передал малыша матери. А господин Т. почему-то все не появлялся. Что, если этот Т. проспал или отложил отъезд? Муж выбежал из каюты и стал высматривать среди пассажиров своего знакомого. Билет, купленный для господина Т. еще вчера, был у него. Не теряя надежды, что Т. скоро появится, он в то же время думал: «Если не придет — тоже неплохо, я воспользуюсь его билетом и провожу семью».

На пристани толпились провожающие, размахивая шляпами и белыми платочками. Но вот подъехала повозка, с нее сошел господин Т. Через минуту он поднялся на паром и был представлен жене.

Раздался второй сигнал колокола.

«Что делать? Купить билет или же сойти на берег?» — он все еще не знал, что ему делать.

— Мы уедем, тебе станет легче, — сказала, наконец, жена. — Ты сможешь все силы отдать творческой работе. Лучше всего пиши роман. О нас не беспокойся. Через несколько месяцев мы вернемся. Если сможешь, приезжай в Японию, когда зацветут вишни. Отдохнешь, рассеешься...

Слова жены прозвучали небесной музыкой. Сегодня, как и семь лет тому назад, когда они полюбили друг друга, ее ласковый певучий голос нашел отзвук в его сердце. В душе он восклицал: «Спасибо тебе, спасибо, моя любимая! Ты моя Беатриче! Да, моя Беатриче! Ты моя! Роман? Верно, лучше всего писать романы. Данте написал для своей любимой «Божественную комедию». Я непременно

¹ Имя бандита, героя детективных фильмов, ставшее нарицательным в десятых годах XX века.

напишу роман, и он будет посвящен тебе, чтобы сделать тебя бессмертной. Вечная женственность!» Он решил остаться в Шанхае. Пожав руку господину Т. и передав ему все заботы о своей семье в дороге, он решительно вышел из каюты. Жена хотела проводить его, но он не велел ей выходить, чтобы дети не заплакали.

Раздались гудки, под кормой забурила вода, и паропровод, медленно поворачиваясь, отошел от пристани. Он стоял на берегу, пока на палубе можно было разглядеть господина Т., и взволнованный покинул пристань.

«Романы, романы... За один-два месяца я должен непременно чего-нибудь добиться. Название книги уже есть. Назову ее «Цзегуан»¹. Семь лет тому назад, когда я впервые увидел ее, разве из-под ее бровей не сиял божественный свет? Разве сейчас не тем же светом сияют ее глаза? Вечная женственность! Беатриче! «Чистый свет!».

Он сел на трамвай и послал воздушный поцелуй в направлении Хуанпу. Долгая езда в трамвае постепенно успокоила его возбужденные нервы и дала ему минуту покоя; он задумался о минувших годах своей скитальческой жизни и о своих литературных успехах в прошлом: «Да, понимание жизни у меня очень туманное. Идеалы неосуществимы; то, что осуществляется, — не идеал. Живу одним днем, даром проходит драгоценное время. Чего же я в конце концов добился за десять лет? О медицине и говорить нечего. В минуты порывов я писал стихи и прозу, но что получалось? Как я могу полагаться на свои способности? Впрочем, какая дерзость! Я слишком о себе возмнил. Как я мог сравнивать себя с Данте? Неслыханное бесстыдство! Я...» Поглощенный раздумьем, он словно перенесся из яркого солнечного дня в глубокую тьму ночи. Надежды, которые возлагала на него жена, тяжелым грузом давили плечи. Он ощущал всю беспочвенность ее ожиданий. «Как тяжелеет голова и горит сердце! Хорошо бы сжать голову руками и зарыдать, но в трамвае... чужие люди».

Самобичевание стало у него многолетней привычкой. Чем больше знакомился он с произведениями иностранных писателей, тем яснее понимал свою собственную слабость. Он видел, что его жизнь слишком примитивна; у него

¹ «Цзегуан» — «Чистый свет».

слишком мало сил, чтобы проявить себя. Чем сильнее он чувствовал свою слабость, тем больше им овладевали грусть и тревога и презрение к себе. А теперь он почти дошел до того, что не может взяться за перо.

«Есть ли в твоих произведениях хоть какие-нибудь достоинства? — спрашивал он себя. — Дилетантские статьи, низкопробные переводы — и все. Друзья тебе говорят, что ты талантлив, и даже недруги признают, что талант у тебя есть. Но где же он, этот талант? Я готов умереть от стыда! Как я бессовестно возомнил о себе! Ах... я даже семью свою не в состоянии прокормить и предоставил жене самой устраивать свою жизнь. И мне не совестно обманывать себя и других и смотреть людям в глаза. Отвратительно! Отвратительно! Какая гнусность и пошлость! Даже терзания у меня пошлые!»

Он вспомнил стихи Джона Дэвидсона¹ о бедном музыканте, у которого любимая жена умерла от голода и холода. Обняв ее высохшее тело, скрипач скорбно сказал:

Мы покидаем мир под звон напевный,
Сырую землю наш питает прах...
Моя жена, мой сын, мой труд вседневный —
Их больше нет. Но все ж они — не прах.

Он читал про себя стихотворение под равномерное постукивание колес трамвая. Ему казалось, что оно само собой льется из его сердца. «Нет, я далеко не так честен и искренен. Музыкант хоть оставил после себя произведения, по которым его будут помнить. Он мог негодовать на людей и роптать на бога. У меня и на это нет прав. Я сам бросил жену и детей. Мне нельзя роптать на небо и людей. Музыкант умер, обнимая труп своей жены. А я? Жена и дети едут на восток, плывут по морю страданий, а я остался здесь один со своими притязаниями, на которые у меня все равно нет сил». Он опять пожалел, что не поехал проводить семью. «Почему ты не взял себе билет на пароходе, почему не отправился вместе с ними? Эх! подлый эгоист! Подлец, у которого нет чувства ответственности!»

Тоска сжимала душу. Трамвай шел через оживленную площадь, но он, словно в могиле, ничего не видел перед собой. В смятении подошел он к своей квартире, но не ре-

¹ Дж. Дэвидсон (1857—1909) — английский поэт.

шился войти: таким страшным — страшнее смерти — показалось ему опустевшее жилье. Он поспешно вернулся на улицу и пошел под деревьями вдоль Цзиньаньсылу, устремив вдаль покрасневшие глаза. Даже автомобильные гудки не мешали течению его мыслей. У поворота к дачам Саньчжоу он остановился, не отрывая взгляда от светофора. До этого места он обычно совершал прогулку со своими сыновьями... Постояв немного, он бесцельно пересек улицу Симоу и побрел дальше к Фусюйлу. Вот уж неподалеку и духовная академия «Шэньчжы». Он внезапно остановился. В прошлом году, в конце лета, он однажды гулял здесь со своими старшими детьми. Вдруг с тунгового дерева упал воробышек. Оба мальчика бросились за ним и в конце концов поймали. Сейчас пришли на память сочиненные тогда стихи:

Оранжевый серп молодой луны
Плывет одиноко в небе,
И я, не спеша, гуляю с детьми
В прохладной тени деревьев.

Ветер еще не рассеял жары,
Хотя заря догорает.
Падает невдалеке от нас
Гнездо потерявший птенчик.

Дети поспешно бегут к нему,
Плачет упавший птенчик.
О милые дети! Мы тоже, как он,
Гнездо свое потеряли.

Сын мой любимый, у нас с тобой
Нет гнезда на чужбине.
В толпе равнодушной — как избежать
Стрелы из враждебного лука?

Вы жизни не знаете, дети мои,
Смеясь, вы бежите за птицей...
Забьются б на время, подобно вам,
Но птицы поют печально.

Он стоял, прислонившись к дереву. Как он одинок без семьи; при мысли об этом из глаз его брызнули слезы. Один, один во всей вселенной! Как много у него врагов. Газеты Нанкина и Шанхая травят его. Сколько уничтожающих статей написано по его адресу... Он представил себя раздавленным колесами автомобиля — труп на улицах Шанхая... и то было бы лучше.

«Пусть тогда любят люди, радующиеся чужой беде, — я усну вечным сном... Но что будет с женой и детьми? А как же друзья, возлагающие на меня большие надежды? Жена боялась стать мне помехой и поэтому решила уехать. Она надеется, что я буду писать романы. Журнал ждет моих статей, как птенчик ждет мать с кормом, а я погибну?.. Эх, какой же я все-таки сентиментальный...

Десять лет тому назад я приехал в Японию почти трупом. Жена вдохнула в меня жизнь. Пожалуй, я не даром прожил эти десять лет. Моя жизнь — бомба, но ей еще рано взрываться в такой неподходящий момент. Жена и дети, наверно, уже едут по Желтому морю... Пойду-ка я домой работать, — решил он, — за два месяца я должен написать «Цзегуан», — и он тронулся в обратный путь.

Вспоминая о том, как он страдал от старых обычаев и от старой системы брака, как он опустил и как бежал от этого брака в Японию, где полюбил женщину, которая стала его женой; вспоминая о жизни с ней и о том влиянии, которое она оказала на него, он незаметно дошел до дома. Часы в вестибюле показывали час ночи.

Отказавшись от предложенного старой служанкой ужина, он быстро поднялся к себе наверх и открыл дверь. Из пустой комнаты пахло холодом. Вздвогнув, он остановился. Привычная обстановка, — две детские кровати — одна пустая, на другой лежало свернутое одеяло, которым он укрывался, — вызвала у него слезы. Словно от внезапного толчка, он почти упал на стул возле стола. Гнетущая тишина. Лучше всего приняться за работу. Он открыл ящик письменного стола, вытащил несколько детских иллюстрированных журналов, которые читал его сын, и безногую куклу. С новой силой всколыхнулась печаль. Он поднялся из-за стола, открыл плетеную корзинку, достал китайское стеганое платье жены и, сжав его обеими руками, долго целовал. Нежный аромат, исходивший от одежды, причинял ему острую боль. Схватив журналы и куклу, он сунул все в корзинку и закрыл ее. Вернувшись к столу, он взялся за кисть. На листе бумаги для черновиков появились иероглифы «Цзегуан». Кисть замерла — он задумался. С чего начать? В каком стиле писать? Историческую ли повесть, которая обычно начинается с даты, или же пьесу и начать с описания обстановки? Вести речь от первого лица или же

от третьего? С чего начать описание десяти лет своей жизни? Мысли путались. Сжав руками виски, он пытался думать, но ничего не получалось. Измученный переживаниями и бессонной ночью, его мозг, подобно старой копилке в заброшенном храме, не давал света. Но чувства не притупились. Послышались шаги у соседей; ему показалось, что его жена поднимается по лестнице. Где-то заплакал ребенок, и он подумал, что это плачет его сын.

«Где же моя жена? Где сыновья? Как я хочу, чтобы они благополучно прибыли в Фукуока, чтобы с ними ничего не случилось в пути... Эх, сегодня я не могу работать...» — он отложил кисть в сторону, разделся и бросился в постель...

Топот лошадиных копыт, гудки машин, плеск поднимаемых якорей — все эти звуки еще раздавались в его ушах. Мадонна с младенцем, девушка с разбитым кувшином, Желтое море, золотистые ракушки, птички, потерявшие гнездо, «Цзегуан», стеганая одежда, Беатриче — все смешалось.

Утомленный, изнервничавшийся за эти два дня, он заснул...

ДИНДУНСКИЕ НАБРОСКИ

ДИНДУН

С любовью я вспоминаю этот звук — дин-дун.

Это вовсе не звон мониста, не звон металлических подвесок под стрехой. Так звучат капли чистой, прохладной родниковой воды, падая в глубокий колодец: дин-дун.

Прозрачная ключевая вода капает в глубокий колодец. Над колодцем широко раскинулись густые ветви большого дерева. Можешь ходить кругом под сенью этого дерева и вслушиваться в ритмичный звон капель. Какая в этом звуке чувствуется прохлада чистой, прозрачной воды!

Вероятно, в древности такое же чувство вызывал звон капель водяных часов в ночной тишине дворцов. Правда, этого я не испытал.

В глубине гор, у обрыва, прозрачная вода источника, может быть, рождает и более мелодичные звуки, которые еще сильнее трогают сердца людей. Но я с детства не жил в горах, да и никогда не мечтал стать отшельником.

Вот поэтому, как только в моем воображении возникает звук дин-дун, я непременно вспоминаю колодцы, и особенно один колодец, тот, что в Цзядине.

В Цзядине, пожалуй, всем известен колодец Диндун, что возле пруда Юэртан. У колодца растет смоковница, широко раскинувшая пышные ветви. Все капает в колодец прозрачная вода: дин-дун.

В Цзядине побывал поэт Ван Юй-ян. Кажется, это он переименовал колодец Диндун в Фансяндун. Не потому ли, что колодец квадратный? Или потому, что звон капель

ключевой воды напоминает звуки старинного инструмента «фансян»? А может быть, по обоим причинам?

Но разве такое название тронет сердца людей?

Как только в моем воображении возникает звук дин-дун, я непременно вспоминаю колодец Диндун.

В детстве я учился в начальной школе в Цаотаньсы. У меня был очень близкий друг и школьный товарищ, который жил на улице Диндунсян, возле колодца Диндун. По субботам под вечер, когда ученики-горожане возвращались домой с ночевкой, я провожал друга до его дома. И всегда получалось так, что потом он шел провожать меня — с тем, чтобы я опять проводил его и он — снова меня. Вот во время таких взаимных провожаний на окутанной сумерками улице слышался звон: дин-дун.

Какое неизгладимое впечатление оставили в моей памяти те дни! А ведь с тех пор как-то незаметно прошло почти уже сорок лет. Тридцать лет тому назад умер мой друг, с которым мы бродили по улице Диндунсян, тридцать лет тому назад я потерял слух и стал наполовину глухим.

День и ночь в ушах у меня стоит жужжание мух, день и ночь в моей голове шум ветряка, а ритмичный звон колодца Диндун мой друг унес в могилу.

Четыре года тому назад я посетил Цзядин, но, каюсь — не надо было мне ходить к Юэртану; все там изменилось. Фансяндун попрежнему существует, но как там мрачно! Я не осмелился приблизиться к колодцу, я уверен, что он мертв. Хотел бы я, чтобы мне залили уши расплавленным металлом, чтобы вместе с колодцем умерли и жужжащие день и ночь мухи, чтобы прекратился шум ветряка.

Но прозрачная ключевая вода все так же капает в глубокий колодец. Над колодцем широко раскинулись густые ветви большого дерева. Можешь ходить кругом под сенью этого дерева и вслушиваться в звон капель. Как чувствует-ся в нем прохлада чистой, прозрачной воды!

Я вечно буду помнить Диндун.

Октябрь 1942 г.

СЕРЕБРЯНЫЙ АБРИКОС

Серебряный абрикос, я думаю о тебе. Не знаю, почему ты называешься Гунсуньшу¹, когда у тебя есть всем понятное имя — белый плод. Я знаю, плоды твои формой не отличаются от им подобных, но у тебя белая, как серебро, косточка с питательным ядром, — такова твоя особенность.

Люди не знают, что ты самое древнее среди цветковых растений. Твоя пыльца и зерна подобны живым организмам. Ты чудесное сокровище — люди сохранили тебя.

Тебе бы давно исчезнуть с лица земли, но ты стоишь по-прежнему и поешь в вышине победный гимн человечеству.

Ты святыня Востока, ты памятник жизни и культуры Китая. Только здесь ты мог появиться, — об этом почти неизвестно людям.

Я бывал в Японии, видел тебя и там, но ты выглядел словно китайский эмигрант. Ты поселился в Японии давно, пожалуй так же давно, как и вся китайская культура.

Поистине тебя следовало бы назвать «китайским деревом». Я люблю тебя, люблю особенной любовью, и не только потому, что ты самобытное китайское дерево, а за твою красоту, чистоту и щедрость.

Как прям твой ствол, как пышны твои ветви, каким веером распустилась твоя темнозеленая кристально чистая и тонкая листва!

Жарким летом ты, словно высокая шапка, прикрываешь своей листвой кумирни. Сколько трудового люда

¹ *Гунсуньшу* — дерево императорского внука.

прячется от солнца под твоим прохладным пышным навесом.

Утуновое дерево стройно, как ты, но нет у него твоей силы.

И тополь зелен, как ты, но не так торжественно могуч и красив.

Ласковый ветер овеивает тебя, стаи птиц поют для тебя свои песни. И если бы существовали боги, я уверен, в лунные ночи они собирались бы под твоей кроной.

Для твоей красоты, как для музыки, нет границ, но ты не возгордился. Твое имя возвышенно, ты — гордость растительного мира, ты — гордость, но не сторонишься никого.

Разве плоды твои не питают человека? Разве твоя древесина плохой строительный материал? Разве твои опавшие листья не служат прекрасной растопкой?

Вот почему я удивлен, удивлен тем, что китайцы как будто забыли тебя. И давно забыли, может быть еще в древние времена.

В книгах старинных китайских классиков я не встречал упоминания о тебе. Китайские поэты древности не слагали стихов в твою честь. Художники Китая не рисовали тебя.

Почему? Ты, свидетель древней китайской культуры, разве сам не удивлен этим?

Серебряный абрикос, китайцы забыли тебя. И хотя все едят твои плоды, все любят твои плоды, ты действительно забыт.

Разве столица не первое место для прекрасного? Но я редко вижу здесь твою тень. Почему улицы заполняют заморские акации, а сады и парки — эвкалипты?

Как я тоскую о тебе, серебряный абрикос! И верю я, что ты не забудешь Китая.

Страшно подумать, если ты разгневаешься и исчезнешь с лица китайской земли, — на просторах Китая никогда не будет слышно твоего радостного гимна жизни. Серебряный абрикос, я надеюсь, придет день, когда люди, вкушающие плоды твои, полюбят тебя.

Май 1942 г.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Я играл с тремя детьми на лугу за домом, когда заходящее солнце зажгло скалы над морем.

Молодой месяц, точно изогнутая бровь, показался между двумя багровыми облаками.

Рыжие коровы, пасущиеся на лугу, протяжным мычанием умоляли хозяина отвести их домой.

Вереницей прибежали обе наши курицы и несколько цыплят — они разгуливали на кладбище при соседнем храме.

Мать детей, стоя на пороге кухни, бросила им горсть зерна. «Ко-ко-ко» — сзывали наседки цыплят, и те с писком наперегонки клевали зерно.

Как удачен нынешний год! Вырастили десять цыплят. Радостные звуки плыли в золотистом весеннем воздухе...

РОЗЫ НА ДОРОГЕ

Утром, гуляя в сосновом лесу, я заметил брошенный кем-то на лесной тропинке букет роз. Они были еще совсем свежие... алая, красновато-розовая и желтая, цвета слоновой кости с красными, как капли застывшей крови, пятнышками.

Я поднял цветы с земли.

На зеленых листочках сверкали жемчужины росы — очевидно, букет обронили минувшей ночью.

Кто обронил цветы? Бедная ли девушка, обманутая неверным юношей, или несчастный, не вынесший насмешек легкомысленной женщины?

Нежный и сладостный шопот вчера ночью, холодная роса сегодня утром...

Я взял розы с собой. Я хотел поставить их в вазу.

Но вазы не нашлось. В углу комнаты я отыскал продолговатый кувшин для вина с отбитым горлышком.

Розы, о розы, я от чистого сердца напою вас свежей родниковой водой. Одиноко вам стоять в кувшине, но не лучше ли это, чем валяться на дороге под ногами прохожих?

ПЛОД ГРАНАТА

Прошел май, солнце увеличило свою грозную силу. Деревья прячут стволы под широко раскинутыми зонтами листвы, уже не думая о том времени, когда они красовались друг перед другом своим убранством. Среди немногих деревьев, расцветающих в эту пору, цветет гранат — мое самое любимое дерево.

Ветвями и стволом гранатовое дерево напоминает сливу, листвой — иву. Необыкновенно высокое, но не сухое, нежное, но не слабое дерево граната обладает всеми достоинствами сливы и ивы, но лишено их недостатков. Красные, как огонь, цветы граната не прячутся от знойного солнца — уж за одно это они достойны любви. Одинарный лепесток красив, но еще красивей двойной лепесток — разве это не олицетворение лета? Цветочный бутон, похожий по форме на баклажан, поражает своим необыкновенным видом. Постепенно краснеет верхушка бутона и раскрывается на четыре лепестка — острым ножом не вырежешь так ровно.

А! Словно кто-то сделал из агата множество вазочек и как умело вставил в каждую цветок! Одинарные лепестки цветка не так прекрасны, как двойные, но и в них есть что-то непостижимо прекрасное. Словно античная амфора из красного агата превратилась в китайский сосуд для вина, изделие из бронзы эпохи Инь и Чжоу¹. В нем есть то, что антиквары называют «древним колоритом».

¹ Эпоха Инь—1766—1122 до н. э.; эпоха Чжоу—1122—256 до н. э.

Вы думаете, что это золотой сосуд, наполненный вином? Цветок граната посмеется над вами. Придет осень, и он, словно по волшебству, в улыбке широко раскроет рот, показывая массу белых зубов. Видели ли вы еще где-нибудь такие ослепительно белые зубы?

Я всегда любил лето. Лето — это пора цветения и роста во всей вселенной, оно освобождает человека от оков души и тела.

Поэтому я еще больше люблю гранатовое дерево — это воплощение лета.

Друзья, возвратившиеся из Куньмина, говорят, что там особенно большие гранаты и их зерна особенно богаты соком. Есть гранаты двух сортов: кислые и сладкие. Кислый сок так приятен, что невольно текут слюнки.

Наступит осень, исчезнут бабочки, и твои лазоревые листья станут золотисто-желтыми и, подобно бабочкам, закружатся в воздухе.

Разве ты не похож на ловкого фокусника? Но ты бескорыстен.

Когда у тебя осыпается листва и ствол твой высоко вздымается в воздухе, тебе не страшен ни холод, ни снег. Ты свободен, как горные кручи, и нет в природе подобного тебе.

У ХОЛМА ЦЗИНЬГАН

1

«Кто написал эту трагическую сцену?» — мысленно задала себе вопрос Ши тайтай¹. С шестимесячным ребенком на руках она стояла у ворот дома рядом с шоссе.

Целый день безостановочно моросил дождь. Медленно спускались сумерки на крепость, расположенную на холме Цзиньган. Молодая женщина, беженка, торопливо шла под дождем по шоссе, направляясь к холму. Одной рукой она вела четырехлетнего мальчика, другой сжимала небольшой узелок. Следом за ней торопливо шагала здоровая крестьянка с черным козленком на руках. Козленок, разлученный с матерью, жалобно блеял, и из-за стены ему вторил тоскливый голос козы.

Ши тайтай не выдержала: слезы покатались по ее щекам, она крепко прижала к груди и поцеловала своего ребенка. В этой позе ее окутали вечерние сумерки.

2

Молодой и неопытной Ши тайтай с месяц тому назад показалось, что у нее будет второй ребенок. Муж ее был мелким служащим в одном из городских учреждений и не так много зарабатывал, чтобы позволить себе покупать молочный порошок для малыша: сухое молоко стоило

¹ Тайтай — госпожа.

пятьдесят юаней¹ фунт. Ши тайтай решила купить козу. Козье молоко близко по своему составу к грудному — значит, можно будет обойтись без кормилицы, избежать лишних расходов. С трудом ей удалось упротить одного человека, чтобы он помог ей купить козу. Коза была черная, с маленьким, тоже черным козленком. Но Ши тайтай купила только козу, без козленка. Со дня рождения его прошло всего десять дней, и при покупке было решено, что через пятьдесят дней, когда ему уже не нужно будет молоко, от хозяина придет доверенный и заберет козленка обратно.

Спустя несколько дней после покупки козы Ши тайтай убедилась, что ее опасения относительно беременности неосновательны. Нужды в козе больше не было, но она привыкла к ней и в особенности полюбила козленочка. Семья Ши жила в обычном крестьянском доме. Коза содержалась во дворе у самых ворот, и Ши тайтай ухаживала за ней сама. В хорошую погоду они вместе ходили гулять. Коза щипала зеленую траву и подбирала остатки рисовых стеблей в поле; вечером жена Ши отводила ее домой. Коза с козленком жили на редкость дружно. Их игры могли бы послужить художнику сюжетом для трогательной картины. Стоило козленку отойти от привязанной матери, как коза жалобно блеяла. Заслышав ее голос, он, словно маленькая черная собачонка, со всех ног мчался обратно. Совсем еще крошечный, — у него даже не прорезались рожки, — козленок был быстр, как ветер. Подбежав к матери, он становился на дыбы, затевая веселую возню. Наблюдая, как он скачет, люди опасались, как бы козленок не расшибся.

Любимый ребенок и веселые козы были самым доступным и вместе с тем самым бесценным развлечением Ши тайтай, скучавшей в деревне.

3

Это случилось три дня тому назад. Хозяйка дома, старушка, подобрала на улице женщину, беженку с ребенком. — Ши тайтай, окажите милость, оставьте эту несчаст-

¹ Основная денежная единица в Китае.

ную у себя присматривать за вашим ребенком,— попросила старушка.

Очень худенькой, с изящным овалом лица и бледной женщине, матери четырехлетнего ребенка, на вид было лет двадцать восемь. Будь она прилично одета, ее можно было бы принять за интеллигентную женщину. Черное китайского покроя платье совершенно не защищало ее от холодной дождливой октябрьской погоды. Ребенок, босой, с желтым опухшим личиком, был одет в грязную серую военную куртку; обрезанные рукава были все же слишком длинны и свисали чуть ли не до земли.

— Я увидела их около моста,— продолжала старуха,— ее сынишка плакал. Она говорит, что хочет пробраться в Чэнду¹; сюда доехала на попутной грузовой машине. Около холма Цзиньган ее высадили. У нее нет ни гроша... Как же она доберется до места?

Ши тайтай очень сочувственно отнеслась к чужой беде и стала расспрашивать беженку о ее жизни.

— Я уроженка Лучжоу. Фамилия моего мужа Ли, моя девичья фамилия — Чжао,— рассказывала о себе женщина.— Три года тому назад мужа забрали в армию, он уехал в Сычуань бить японских дьяволов. До Тайэрчжуанского сраженья² он еще присылал мне письма. Писал, что японских дьяволов обязательно накажет небо, что они убивают людей, насилюют женщин, грабят имущество,— одним словом, нет такого бесчинства, на которое они не были бы способны... Потом мой муж написал, что идут жестокие бои, и если он погибнет на фронте, чтобы я не выходила замуж, а воспитала сына. Пусть сын, когда вырастет, отомстит за отца. После Тайэрчжуанского сражения от него не было никаких известий. Не знаю, жив он или погиб...

Она говорила спокойно, не выказывая печали, словно рассказывала о посторонних людях.

— Мы в Лучжоу открыли маленькую табачную лавочку, тогда у нас еще были деньги. Кое-как перебивались... К несчастью, в сентябре прошлого года, когда японские дьяволы бомбили Лучжоу, наша лавочка была

¹ Чэнду — главный город провинции Сычуань.

² Известное сражение под Тайэрчжуаном (апрель 1938 г.).

разрушена, а помогавшие нам родные все погибли. Так мы и остались без денег и без родных. Я забрала сына и отправилась в Чунцин в надежде найти какую-нибудь работу. Четыре месяца тому назад, по рекомендации посредника, я устроила своего ребенка в детский дом Гэлэшань, а сама пошла работать на текстильную фабрику на северном берегу реки Янцзы. Я оставила посреднику в залог за мальчика свое золотое кольцо и ежемесячно платила в детский дом десять юаней...

— Ты сама отвезла ребенка туда? — перебила ее Ши тайтай.

— Нет, все сделал посредник.

— В таком случае тебя обманули! В детский дом Гэлэшань принимают детей без залога и содержат бесплатно, — воскликнула Ши тайтай.

— Да, я сама слышала, что в этом доме содержат детей бесплатно, — он открыт китайской ассоциацией помощи жертвам войны, и там очень хорошо. Позавчера я решила пойти к посреднику, а потом навестить сына. Неожиданно у ворот дома посредника я увидела своего ребенка, желтого, опухшего, не похожего на себя. Если бы он сам с криком не подбежал ко мне, я бы его не узнала...

— Да, тебя обманули, — вмешалась старуха, — какой бессовестный человек!

— ...Я спросила посредника, в чем дело. Он сказал, что мой сын заболел в детском доме малярией, и его отказались там держать. Тогда я потребовала, чтоб он вернул мне кольцо. Он ответил, что продал кольцо, но денег нехватало даже на лекарство. Я так расстроилась, что совсем не вернулась на фабрику. Забрав сына, я решила поехать вместе с ним в Чэнду. Там живет моя двоюродная сестра...

Ши тайтай, выслушав рассказ, решила помочь женщине. Она считала, что мальчика надо на самом деле определить в детский дом, а мать оставить у себя для домашней работы. Но для этого нужно было заручиться согласием мужа... Она на минуту вошла в комнату и принесла металлический ларец, из которого достала несколько таблеток хинина.

— Дай ребенку одну таблетку сегодня вечером, а с завтрашнего дня пусть принимает три раза в день по две

штуки. Он обязательно поправится, — сказала Ши тайтай, протягивая женщине таблетки.

Женщина взяла лекарство, но ничем не выразила своей благодарности.

— Амитофо, Ши тайтай, вы словно добрая богиня Гуань-инь, спасаете людей, — кланялась старуха, как будто помощь оказали ей лично.

4

Мать и сын спокойно прожили двое суток в доме Ши тайтай. На третий день под вечер из города приехал человек, который попутно привез Ши тайтай письмо от ее мужа. Он разрешил оставить Ли Чжао-ши и сообщал, что завтра заедет сам. По пути он зайдет в детский дом Гэлэшань и там договорится насчет мальчика. Потом, возвращаясь в город, он захватит ребенка с собой и сам отведет его в детский дом.

Получив такое сердечное письмо, Ши тайтай очень обрадовалась. Двое суток она беспокоилась, не зная, как отнесется муж к ее плану, и боялась, что ей придется краснеть перед чужой женщиной. Но теперь она успокоилась.

— Сестрица Ли, — обратилась она к молодой женщине, пригласив ее к себе в комнату, — мой муж согласен с моим решением оставить тебя у нас. Он сам зайдет в детский дом и договорится относительно твоего ребенка. Завтра мой муж заедет домой и отвезет мальчика в Гэлэшань.

— Что? Опять? — вдруг испуганно воскликнула женщина, и глаза ее засверкали.

— Да, — спокойно ответила жена Ши и объяснила ей, что содержать двоих им не под силу. — Гэлэшань отсюда не так далеко, и ты можешь часто навещать сына.

— Нет, — решительно возразила женщина, — мой сын больше не пойдет в Гэлэшань!

— Так ты же сама говорила, что это хороший детский дом.

— Пусть там хорошо, но я никому не отдам моего ребенка!

— Почему? Ведь детский дом содержит ассоциация помощи жертвам войны.

— Я больше не потерплю обмана! Пусть лучше я умру вместе с моим сыном, но мой ребенок не пойдет больше в Гэлэшань! — В голосе женщины звучал такой гнев, что Ши тайтай не решилась прямо посмотреть ей в глаза.

— Все вы мошенники! Я больше не дам себя обмануть. Я уйду, сейчас же уйду! — С этими словами женщина, выбежав из комнаты, стала собираться в дорогу.

Ши тайтай вышла немного спустя со своим ребенком и увидела, как Ли Чжао-ши с маленьким узелком в руке, — тем самым, с которым она пришла, — быстро направляется к воротам. Там играл с козой ее ребенок.

— Пойдем! Мы уходим! — Она схватила мальчика за руку.

— Куда же ты! К чему так волноваться? — крикнула ей вслед Ши тайтай.

— Я поеду в Цицикоу, там живет моя нареченная сестра, — резко ответила женщина.

— Зачем же так спешить? Смотри, уже темнеет и идет дождь. Если уж тебе так хочется, можешь уехать завтра.

— Нет, я не хочу дожидаться завтрашнего дня, — с этими словами она решительно вышла за ворота.

В эту минуту во двор ворвалась рассерженная крестьянка средних лет.

5

— Отдайте мне моего козленка... обманщики, ни гроша я от вас не получила... прибрал кто-то к рукам мои денежки... вот уже месяц, как я не могу спокойно спать. — Выпалив это одним духом, разгневанная женщина схватила обеими руками козленка, сосавшего мать, и тотчас ушла.

6

Целый день безостановочно моросил мелкий дождь. Сумерки неторопливо спускались над крепостью на холме Цзиньган.

Когда Ши тайтай вышла за ворота и посмотрела в сторону холма, она увидела, что бездомная женщина бы-

стро удаляется по шоссе, держа за руку своего четырех-летнего мальчика. Следом за ней шагает рослая крестьянка с черным козленком на руках. Разлученный с матерью козленок жалобно блял, и из-за стены ему вторил тоскливый голос козы.

Ши тайтай, опустив голову, поцеловала своего ребенка, слезы неудержимо текли из ее глаз.

Кто же написал эту трагическую сцену?

Июль 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Го Мо-жо — Н. Федоренко	3
Предисловие автора к русскому изданию	17

С Т И Х И

Да здравствует Сталин. Перевел А. Безыменский . . .	23
Нирвана фениксов. Перевел Александр Гитович . . .	24
Земля, моя мать! Перевел Александр Гитович	31
Сигналю, стоя на краю земли. Перевел Александр Гитович	34
Эпоха потопа. Перевел Александр Гитович	35
Утренняя радость. Перевел Александр Гитович	38
Горькая чаша. Перевел Александр Гитович	39
Тихая ночь. Перевел Александр Гитович	40
Южный ветер. Перевел Александр Гитович	41
Новолуние. Перевел Александр Гитович	42
После дождя. Перевел Александр Гитович	43
Улица в небе. Перевел Александр Гитович	44
Зимний пейзаж. Перевел Александр Гитович	45
Орел. Перевел Александр Гитович	46
Две большие звезды. Перевел Александр Гитович . . .	47
Прощаюсь с Японией. Перевел Александр Гитович . . .	48
Шанхайское утро. Перевел Александр Гитович	50
Искатель силы. Перевел Александр Гитович	51

Друзья томятся в застенках. <i>Перевел Александр Гитович</i>	52
Гроздья страданий. <i>Перевел Александр Гитович</i>	53
Песни и смех в саду богачей. <i>Перевел Александр Гитович</i>	54
В зияющей пещере слов. <i>Перевел Александр Гитович</i>	55
Мы встречаемся среди красных лучей. <i>Перевел Александр Гитович</i>	57
Марш. <i>Перевел Александр Гитович</i>	58
Раздумье. <i>Перевел Александр Гитович</i>	60
Декларация поэзии. <i>Перевел Александр Гитович</i>	62
Вспоминаю Чэнь Шэ и У Гуана. <i>Перевел Александр Гитович</i>	63
Разговор Хуанхэ с Янцзыцзяном. <i>Перевел Александр Гитович</i>	65
Поэзия и оборона. <i>Перевел Александр Гитович</i>	68
Пирамида зла. <i>Перевел Александр Гитович</i>	72
Памяти героев 8 апреля. <i>Перевел Александр Гитович</i>	74
За рекою город-герой. <i>Перевел Л. Эйдли</i>	76
Физкультурный праздник на Красной площади. <i>Перевел Александр Гитович</i>	77
Октябрьские впечатления. <i>Перевел Александр Гитович</i>	79
Слава и долг. <i>Перевел П. Антокольский</i>	81

РАССКАЗЫ

Самоубийство Чуского Бавана. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	87
Гнев Сыма Цяня. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	99
Перед отъездом. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	108
Цыплята. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	112
На распутье. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	116
Диндунские наброски. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	127
Дин-дун	127
Серебряный абрикос	129
Вечерняя заря	131
Розы на дороге	132
Плод граната	133
У холма Цзиньган. <i>Перевел Н. Пахомов</i>	135

ПЬЕСЫ

Близнецы. <i>Перевел В. Петров</i>	147
Цюй Юань. <i>Перевел Н. Федоренко</i>	221

СТАТЬИ

Ответ редактору журнала «Интернациональная литература». <i>Перевел Г. Монзелер</i>	309
Как воину учиться литературному труду. <i>Перевел Г. Монзелер</i>	313
Течение литературной мысли в Китае с начала анти-японской войны. <i>Перевел Г. Монзелер</i>	316
Учиться у народных масс. <i>Перевел Г. Монзелер</i>	321
Лу Синь с нами. <i>Перевел Г. Монзелер</i>	324
За мир, демократию и прогресс!	328
Чехов на Востоке	341
Взаимосвязи культуры Китая и Советского Союза	344

Художник *Г. Рифтин*

Редактор *М. Виташевская*
Худож. редактор *А. Ермаков*
Технич. редактор *Ф. Артемьева*
Корректоры *В. Покровская* и *В. Брагина*

*

Сдано в набор 31/XII-52 г.
Подписано к печати 27/II-53 г. А00123.
Бумага $84 \times 108\frac{1}{32} = 5,5$ бум. л.—18,04 печ. л.
15,5 уч.-изд. л. + 1 вкл. = 15,6 л. Тираж
90 000 (45 001—90 000 экз.). Заказ № 2007.
Цена 6 р. 70 к.

*

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

бр. 70к

ГОСЛИТИЗДАТ - 1958